

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

А.Я. Хусаинова

ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Казань
2021

УДК 808.2
ББК 81.411
X98

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Рецензенты:

И.С. Насипов, доктор филологических наук, профессор
(*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы*),

М.Р. Булатова, кандидат филологических наук
(*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АНРТ*)

Хусаинова А.Я.

X98 Татарские говоры Оренбургской области / А.Я. Хусаинова. –
Казань: ИЯЛИ, 2021. – 88 с.
ISBN 978-5-93091-326-2

Книга посвящена комплексному исследованию лексики татарских говоров Оренбуржья как части диасистемы татарского языка: лексемы детально исследованы в рамках тематических групп, в семантическом, номинативном, сравнительно-историческом, лингвогеографическом и др. аспектах.

Предназначена для специалистов по языкознанию, диалектологии, лексикологии, аспирантов, преподавателей, студентов филологических факультетов, а также для всех, кто интересуется языком татарского населения Оренбургской области.

УДК 808.2
ББК 81.411

ISBN 978-5-93091-326-2

© Хусаинова А.Я., 2021
© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена изучению словарного состава говоров татар Оренбургской области, которая является частью диасистемы татарского языка в сравнительном аспекте с татарским литературным языком и другими говорами татарского диалектного языка. Актуальность изучения лексики переселенческих говоров, которые развиваются в иноязычном окружении и изолированы от основной массы носителя данного языка, имеет как научное, так и практическое значение. В таких говорах продолжают сохраняться древние языковые явления; отдельные особенности могут получить своеобразное развитие; могут появиться локальные новообразования.

Основой исследования послужили научно-теоретические положения, разработанные в трудах таких видных ученых-тюркологов, диалектологов, как В.В. Радлов, С.Е. Малов, Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, К.М. Мусаев, Р.И. Аванесов, А.М. Щербак, Г.Ф. Благова, Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо, О.Н. Мудрак, А.А. Юлдашев и др.; татарских ученых: Л.З. Заляй, М.З. Закиев, Г.Ф. Саттаров, Д.Г. Тумашева, Л.Т. Махмутова, Н.Б. Бурганова, Х.Ч. Алишина, Л.Ш. Арсланов, Д.Б. Рамазанова, А.Г. Шайхулов, Ф.Ю. Юсупов, Ф.С. Баязитова, Т.Х. Хайрутдинова, З.Р. Садыкова, Ф.М. Хисамова, И.С. Насипов, Э.Х. Кадилова, Ф.Ф. Гаффарова, А.Х. Насибуллина и др., в чьих трудах разрабатывались проблемы истории языка, формирования говоров и диалектов, принципов их классификации и характеристики и др.

Источниками исследования являются материалы лексикологических и диалектологических экспедиций, проходивших на территориях компактного проживания татар в Оренбургской области в различные годы, а также записей автора во время полевых

наблюдений, проведенных в Шарлыкский, Соль-Илецкий районы Оренбургской области (2012), Мамадышский район Республики Татарстан (материнские говоры) (2013), и совместно с профессором Д.Б. Рамазановой в Пономаревский, Сорочинский, Александровский, Шарлыкский, Сакмарский, районы Оренбургской области (2014).

История татарского населения Оренбуржья насчитывает много столетий. Благодаря деятельности татарского населения края удалось наладить торговые пути между Россией и Средней Азией.

В начале прошлого века Оренбургская губерния представляла собой один из крупнейших очагов развития татарской культуры, где активно действовали сотни медресе и мечетей, издавались национальные газеты, работал татарский театр. В области функционировало 149, в Оренбурге 8 татарских школ с полным циклом обучения. В Оренбурге работала мусульманская музыкальная школа, был открыт татаро-башкирский агропединститут. Издавались десятки газет и журналов на татарском языке, действовали три типографии [Узбеков, 1997: 11].

Значимую роль в становлении национального образования и культуры имели два высших медресе: «Мухаммадия» – в Троицке и «Хусаиния» – в Оренбурге. Просуществовавшее с 1889 по 1924 г. знаменитое на весь татарский мир медресе «Хусаиния» содержалось купцами Хусаиновыми и имело огромный авторитет в России и за рубежом. Директором медресе и редактором издававшегося в Оренбурге журнала «Шура» был выдающийся мыслитель, ученый, педагог и просветитель, историк, журналист и писатель Ризаэддин бин Фахредин.

В медресе преподавали выдающиеся личности: Гаяз Исхаки – классик татарской литературы и выдающийся общественный деятель, Фатих Карими – классик татарской прозы (преподаватель истории и литературы), Ханиф Бакиров – преподаватель физики и химии (Константинопольский университет), Камиль Каримов – преподаватель истории (Казанский университет), Сунгатулла Бикбулатов – заместитель директора и преподаватель истории Башкирии и тюркских народов (Каирский университет), Хан Юсупов – преподаватель математики (Томский технологический институт), Кабир Сагиров – преподаватель географии

(Константинопольский учительский институт). Многие из которых вместе с тем являлись авторами учебников. Медресе славились своими именитыми выпускниками: Шаехзада Бабич – выдающийся татарский и башкирский поэт, Муса Джалиль – поэт, Герой Советского Союза; Ахметзаки Валиди Туган – востоковед-тюрколог, Сагит Рамиев – классик татарской поэзии; Мирхайдар Файзи – автор татарских музыкальных пьес, в том числе знаменитой «Галиябану».

В настоящее же время в области проживают 151 492 татар (по данным переписи 2010 года), они составляют 7,45% населения области. Общественные организации своей деятельностью поддерживают национальное своеобразие. Среди них – городской общественный центр «Туган тел», Орский татаро-башкирский культурный центр «Туган тел», Бугурусланский татарский общественный центр. Татарский язык в качестве родного языка неизменно остается востребованным, ему обучаются в 83 школах области. Издается также татарская газета «Яңа вакыт» («Новое время»).

По характеру совокупности фонетических, грамматических и лексических особенностей в Оренбуржье выделяются три самостоятельных говора татарского языка: каргалинский (урало-сакмарский, бузулукский подговоры) и бугурусланский говоры среднего диалекта, шарлыкский (новомусинский, баширский, икский подговоры) говор западного диалекта. Изучаемые говоры занимают место в диалектной системе татарского языка и очень близки к татарскому литературному языку.

Первая глава
ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

**1.1. История заселения Оренбургской области
татарами**

Оренбургская область расположена на юге Урала по среднему течению р. Урал. Она соседствует на севере с Республикой Татарстан, на северо-востоке – с Республикой Башкортостан и Челябинской областью, на востоке и юге – с Казахстаном, на западе с Самарской и Саратовской областями.

В Оренбургской области проживают русские, украинцы, татары, башкиры, казахи, мордва, чувашаи, немцы и представители других национальностей. Татарское население области занимает по численности третье место после русских и украинцев.

Исторически Оренбуржье является юго-восточной частью Волго-Уральской историко-этнографической общности, и начало массового проникновения тюрков в данную область произошло в последние столетия I тыс. н.э. и было связано с миграцией сюда булгарских племен [Кузеев, 1992: 46].

По данным средневековых письменных источников и археологии, степи Южного Приуралья и Заволжья с середины XI в. выступают как территория расселения кыпчакских племен. Доминирующая роль кыпчаков в степи подтверждается также присутствием кыпчакских родоплеменных объединений в составе других этнических массивов Великого пояса степей и его окраин (узбеков, каракалпаков, татар). Письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают

кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XI–XVI вв.

К началу монгольского нашествия в регионе складывается достаточно сложная этнокультурная ситуация, в которой наряду с булгарами заметное положение продолжали сохранять приуральские угры, хотя и находившиеся под мощным воздействием болгарской (тюрко-мусульманской) культуры [Кузеев, 1992: 78].

Со второй половины XIII в. этнокультурная пестрота в регионе нивелируется под воздействием кыпчакского этнического пласта, в эпоху Золотой Орды покрывшего степные и отчасти лесостепные районы Урало-Поволжья. Если быть точнее, кыпчакская волна, достигла этого региона еще в XI в. [Оренбург өлкәсе татарлары, 2016: 18].

При распаде Золотой Орды территория современной Оренбургской области оказалась в составе Ногайской Орды. В период наивысшего могущества, в первой половине XVI в., ее граница на востоке и юге подходила к верховьям рек Тобола и Нуры, шла по реке Сарысу и затем по Сырдарье к Аральскому морю. Западным рубежом долго служила Волга. Но со временем жители Ногайской Орды стали осваивать и правобережные волжские пастбища. В XVII в. ногаи расселялись по Причерноморью и Северному Кавказу, покидая родные заволжские степи. Северные пределы Орды можно определить очень условно. До середины XVI в. в ее состав входила большая часть нынешней Башкирии [Трепавлов, 2016: 263].

С конца XVI в. Заволжские степи, включая и территорию Оренбургской области, вошли в состав Русского государства. В XVII – начале XVIII в. Заволжские степи именовались «диким полем», «дикой степью», так как они ещё не возделывались. Основным населением «дикого поля» были различные кочевые народы [Попов, 1969: 76].

После постройки в 1652–1657 гг. Закамской укрепленной линии усиливается приток населения в пределы Закамья и в Башкирию. Заволжские и Закамские степи быстро заселяются русскими крестьянами, а также мари, мордвой, чувашами и татарами [Попов, 1982: 175].

С целью охраны новых поселений от набегов кочевников и для укрепления границ Русского государства, в 1732 г. правительство

приступает к строительству Новой Закамской линии в глубине «диких степей» Заволжья и Закамья. Она проходила несколько западнее Бузулукского и Бугурусланского районов нынешней Оренбургской области и кончалась в пределах Республики Татарстан. С основанием в 1735 г. города Оренбурга и небольших крепостей по рекам Самаре и Яику Новая Закамская линия потеряла своё военное значение.

Как свидетельствуют исторические источники и архивные документы, массовое (государственное) переселение татарского населения на территорию Оренбургской области началось во второй четверти XVIII века. Процесс переселения был обусловлен расширением юго-восточных границ русского государства и необходимостью их защиты.

Для прикрытия территории от набега кочевников в 30–40-х гг. XVIII века по берегам Яика, Самары и Сакмары была создана Оренбургская военная пограничная линия. На её строительство «были направлены тептяри и бобыли из Уфимского уезда». На Оренбургскую линию переселены также 400 казанских, 500 ясачных татар, 500 мещеряков [Садыкова, 1985: 5].

Для укрепления юго-восточных границ империи и с целью открытия широкой торговли с Казахстаном, Средней Азией и Индией в 1735 г. на месте современного города Орска был заложен город-крепость Оренбург. На его строительство привлечены тептяри и бобыли из уфимского и казанского гарнизонов. Дорога, соединявшая Оренбург с центром России, была названа «Московской дорогой».

В 1741 г. Оренбург был заложен вторично по р. Яик на урочище Красная гора, а в 1743 г. перенесен на современное место. В 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния. В её состав входили современная территория Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей и часть Казахстана.

После создания губернии русское правительство предприняло некоторые меры по заселению края. Так с целью развития торговых отношений с Казахстаном и Средней Азией, в этом же году неподалеку от Оренбурга на реке Сакмаре были поселены торговые татары из Казанской губернии, основавшие Сеитовскую или Каргалинскую слободу. В Сеитовской слободе, как показывает перепись 1747 г., поселилось 173 семьи, насчитывавшей в общей сложности 996 душ мужского пола. Материалы переписи содержат

сведения о том, откуда переселились эти крестьяне. В 1744 году казанский торговый татарин Сеит Аитов Халялин получает разрешение основать селение на реке Сакмаре в восемнадцати верстах от Оренбурга. В 1745 году образовалась Сеитовская слобода (Сэет бистәсе) от имени её основателя Сеита Халялина. Благодаря названию реки эта слобода получила официальное имя Каргалы (ныне – Татар Каргалысы – Татарская Каргала). Материалы переписи населения (1747) свидетельствуют, что большинство переселенцев являются татарами из бывшего Казанского уезда Арской, Зюрейской, Алатской и Ногайской дорог (деревни Маметова Пустошь, Малые Сабы, Богатые Сабы, Буранчи, Усюли, Старые Сабы, Адаево, Атлашево, Кумбабыш, Бубый, и др. ныне территории современного Сабинского, Мамадышского, Кукморского, Дубязского и Лаишевского районов), но были также и выходцы и из Симбирского, Свияжского и Уфимского уездов.

В 1743–1744 годах Оренбург был соединен с центром России через Казань почтовым трактом, называемым «Новомосковской дорогой», или «Большой Московской дорогой». На всем протяжении Оренбургского почтового тракта были созданы «ямские слободы», которые заселялись татарами из разных уездов бывшей Казанской губернии. Так, в 1743–1744 годах образовались населенные пункты Старые Шалты, Тирес-Усманово, Старое Якупово, Старокутлумбетьево, Наурузово и др. Здесь также деревнями селились русские и нерусские крестьяне, «не помнящие родства и помещиков» (в числе 586 душ мужского пола). Среди этих новообразовавшихся деревень сравнительно крупными были деревни Димская, Кандыз, Дусметьево, Сарманаево, Юзеево, Мустафино, Биккулово и др.

В середине XVIII в., в период проведения широкомасштабной насильственной христианизации нерусского населения Среднего Поволжья – татар, мордвы, чувашей – еще более усилилась миграция из этого региона в Оренбургский край, где возникли многие новые поселения в северо-западной его части. Как правило, крестьяне переселялись добровольно, «сами собой, без письменных видов».

Некоторые из переселенцев были поселены на вотчинных башкирских землях, на условиях припуска. Эти припущенники были пришлым населением, которых называли тептярями. Переселение их в этом крае началось еще в конце XVI в., но до начала XVIII в. их

численность оставалась незначительной. Большой прирост численности тептярей наблюдается уже в 20-е годы XVIII в. Это связано с недовольством крестьян проведением первой переписи и введением подушной подати. По данным II переписи в Оренбургской губернии насчитывалось 28 750 тептярей, а к концу XVIII в. – 99 292. Все они были выходцами из Среднего Поволжья, которые убежали «в башкиры» от усиливающегося национально-религиозного и феодального угнетения. Неоднороден был и этнический состав тептярей. Более половины их составляли татары, далее – марийцы, удмурты и чуваша. Основная масса тептярей-татар поселилась в Бирском, Белебеевском, Бугульминском и Мензелинском уездах; тептяри-марийцы и удмурты – в Бирском [Футорянский 1996:18].

С конца XVIII в. на территорию Оренбургской области начинается массовое переселение мишарей. Оно проходило, с одной стороны, как мероприятие правительства по заселению края, с другой – как вольная колонизация. В материалах переписи 1795 г. указывается, что «в новозаведенную деревню Баширово Бузулукской округи в 1794 г. по Указу Уфимской казенной палаты перешли служилые татары из д. Чапкась Буинской округи Симбирского наместничества». В архивных документах имеются данные о том, что «сынрянской волости башкирцы часть земли в прошедшем 1794 году продали переселившимся из Симбирского наместничества в Оренбургскую губернию служилым татарам, кои и обселились деревнями в количестве ста двадцати осьми душ под названием Мулюковой, Башировой, Биккуловой и Имангуловой. Сюда были также «перечислены 5 июня 1803 г. по именному указу 17 дня декабря 1800 г. из деревень Нижней Чекурской, Шатыршан, Каракитякы, Ст. Чакурской, Кушкувай – служилых татар 32 душ» [Садыкова 1985: 14].

С. Чеганлы (в бассейне р. Ик), по легендам, было основано еще в 1759 г. выходцами из территории современного Башкортостана. В 1779 и 1789 гг. сюда переселились и мишари из Саранского уезда Пензенской губернии.

Жители с. Абдрахманово (в бассейне р. Ик) считают своей родиной д. Богдан Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Мордовия), откуда в 1832 году Абдрахман с 12 семьями в поисках земель уходит от своего «жестокого помещика» и основывает с. Абдрахманово. В 1850 г. сюда переселяются с территории совре-

менного Башкортостана с семьями Хасан, Губай, Усман, Фаткулла, Юсуп. Таким образом, населенные пункты по р. Ик (на границе с Татарстаном и Башкортостаном) заселялись носителями среднего и западного диалектов татарского языка. Это отражается и в говорах жителей указанных населенных пунктов.

Таким образом, данные исторической литературы, архивных источников, а также легенды, сохранившиеся в народе, показывают, что относительно рано (в 40-х годах XVIII в.) и наиболее компактно были заселены носителями среднего диалекта (главным образом из районов Заказанья) так называемая «Новомосковская дорога» (бассейны реки Саелмыш – притока Сакмары, верхнего течения рек Демы и Ика) и «Оренбургская пограничная линия» (бассейны рек Урала и Сакмары). Позже, в последней четверти XVIII и в начале XIX веков были заселены носителями среднего и западного диалектов юго-западные районы Оренбуржья (междуречье р. Урал и ее притоков – Илека и Киндели, а также р. Бузулук – притока Самары). Сравнительно поздно (в 30–40-е гг. XIX в.) были основаны мишарями нас. пункты Ибряево и Кряжлы в северной части области, а также Новомусино, Яфарово и Султакаево в бассейнах рек Зиганник и Нить – протоков р. Ток (притока Самары).

Этнический состав татарского населения Оренбургской области был неоднороден. Он, кроме «казанских татар» и мишарей, включал в себя и ногайцев. Население состояло из разных социальных групп, известных под названиями «тептяри», «бобыли», «ясачные татары», «чемоданные татары», «служилые татары», «тарханы», «башкиры», «нагайбаки», «мещане» и «казаки». Большую часть жителей Каргалинской, или Сеитовской, слободы составляло купеческое сословие. Татарское население, жившее по крепостям, редутам Оренбургской военной линии и входившее в состав Оренбургского казачьего войска, относилось к военно-служилому сословию. Все эти этнические и социально-исторические факторы сыграли определенную роль в формировании татарского населения Оренбургской области. Историю переселения представителей западного диалекта на территорию Оренбуржья подтверждает и И.А. Гафаров в своих трудах [Гафаров 2004: 15].

Как показывает вышеизложенное, кыпчаки были ведущим субстратом, определявшим этнокультурную ситуацию

на Южном Урале и в Приуралье в XI–XVI вв. В последующие годы этнокультурная пестрота менялась под влиянием различных исторических событий. Вместе с тем массовое переселение татарского населения на территорию Оренбургской области началось в первой половине XVIII в. и продолжалось до начала XX в. Основную часть переселенцев составляли поволжские татары (носители среднего диалекта), которые расселены по всей территории области от границы Татарстана (на севере) до границы с Казахстаном (на юге и юго-востоке). Мишари, относительно поздние переселенцы, образовали группы населенных пунктов главным образом в северной, северо-западной и юго-западной части Оренбуржья.

1.2. История изучения татарских говоров Оренбуржья

Как известно, татарская диалектология, хотя и зародилась давно, т.е. в XVIII веке, интенсивное и результативное развитие как наука получила в середине XX века. К концу 50-х годов этого столетия были проведены экспедиции в районы распространения татарского диалектного языка: в Рязанскую, Пензенскую, Ульяновскую, Пермскую, Самарскую и др. области, Марий Эл, Чувашскую, Удмуртскую, Башкирскую республики, на территорию Уральского и Сибирского ареалов. Такой охват экспедиционных изысканий разведывательного характера за короткий срок позволил накопить фактические данные о диалектах и их распространении, о системах фонетико-грамматических, лексико-семантических особенностей. Накопленный материал позволял выдвигать новые задачи, поднять пространственное изучение татарского языка на более высокий уровень. В итоге в конце 50-х годов татарскими диалектологами начинает осуществляться изучение говоров методом лингвистической географии и ставится задача составления «Атласа татарских народных говоров». Чтобы обеспечить воплощение в жизнь таких грандиозных планов вся территория «Атласа татарских народных говоров» была разделена на квадраты, которые были прикреплены за конкретными специалистами. Один из больших квадратов, охватывающий Оренбургскую область, был поручен ученой З.Р. Садыковой.

Исследования по татарским говорам Оренбуржья проводились З.Р. Садыковой в течение ряда лет (с 1964 по 1986 гг.), в ходе

многочисленных экспедиций. При изучении данных говоров методом лингвистической географии автором одновременно велось и монографическое исследование, результатом которого стала работа «Говоры оренбургских татар» (Казань, 1985), также и многочисленные статьи (1979, 1982, 1987, 1988, 1989, 2003, 2008 и др.). Исследование проводилось в связи с историей заселения края татарами. В монографии подробно описываются фонетические, морфологические особенности татарских говоров Оренбуржья в сравнении с другими диалектами татарского языка и некоторыми тюркскими языками, в определенной степени отразились и лексические материалы.

В 2016 году вышла книга из серии «Из сокровищницы научных экспедиций» «Национально-культурное наследие: татары Оренбургской области». В ней предоставлен богатый материал по истории, культуре, традициям, фольклору, музыке, искусству, языковым особенностям и многим другим аспектам татарского населения Оренбургской области.

Материалы показывают, что на территории Оренбуржья распространена довольно сложная система говоров татарского языка. С одной стороны, общее развитие хозяйственной и культурной жизни, экономические и торговые контакты, а также соседство с другими тюркоязычными народами за период двух столетий не могли не внести в говоры татар Оренбуржья общие и новые черты; с другой – несмотря на совместное проживание в течение довольно длительного времени в составе одной административной единицы (в пределах области), не завершилась нивелировка говоров даже в пределах соседних населенных пунктов (напр., населенные пункты Баширово, Имангулово, Ислаевка). Татарское население Оренбуржья довольно устойчиво сохранило в языке близость к татарскому литературному языку и основные черты «материнских» диалектов и говоров.

По характеру общности фонетических, лексических и грамматических особенностей в Оренбуржье выделяются три самостоятельных говора татарского языка. Проанализированный нами материал позволяет согласиться с выводами З.Р. Садыковой.

I. Шарлыкский говор западного диалекта, который распространен в населенных пунктах Абдуллинского, Александровского, Саракташского, Северного, Сорочинского, Шарлыкского районов.

Наиболее компактную группу населенных пунктов составляют представители западного диалекта, проживающие в Шарлыкском районе. В территориальном плане, среди населенных пунктов распространения исследуемого говора данная группа занимает центральное место, в связи, с чем данная группа получила свое название. Он выделяется сохранением характерных фонетических, морфологических и лексических особенностей западного диалекта. Также общими для этого говора являются: употребление звуков *г, к, х* в фонетике, отчасти и в морфологии, и в лексике: регулярная монофтонгизация дифтонгов *өй* (*күвәнтә, сүвәл*); отсутствие монофтонгизации *ай, әй* (*сай, кәнтәй*), наиболее активное употребление сложных вопросительных предложений, в которых связь между главным и подчиненным компонентами осуществляется посредством вопросительных местоимений; наличие значительного пласта диалектных слов, характерных для западного диалекта. Метод лингвогеографического исследования («Атлас татарских народных говоров») позволяет выделить в составе шарлыкского говора три подговора:

1. Новомусинский подговор распространен в населенных пунктах Новомусино, Яфарово Шарлыкского района, Ибряево и Кряжлы Северного, Султакаево Александровского, Ислаевка Саракташского районов. Носители являются выходцами из Пензенской губернии. Подговор выделяется более устойчивым сохранением специфических черт западного диалекта: например, *й*-канье в начале слова; активное употребление сокращенных имен; форма глаголов на *-гын/-ген* (*торгын, килген*), на *-гы килә/-ак килә* (*баргы килә, ашак кели*), наличие довольно широкого спектра слов, характерных для западного диалекта: *бит себеркесе* в значении «полотенце», *ишег алны(сы)* в значении «сени», *йаз* в значении «лето», *табан* – в значении «ступня, каблук» и др.

2. Баширский подговор, ареал распространения соответствует населенным пунктам Баширова Ташлинского района, Имангулово. Биккулово, Мулюково Тоцкого района, заселенным в конце XVIII в. выходцами из бывшего Буинского уезда Симбирской губернии, а позднее из Чистопольского уезда Казанской губернии. Подговор сохранил в себе особенности западного диалекта в основном в фонетике, отчасти и в морфологии, и в лексике: регулярная монофтонгизация дифтонгов *өй* (*күвәнтә, сүвәл*); В подговоре отмечается

большая группа слов и форм, характерная для западного диалекта, например, *былдыр* «крыльцо», *пәрчатка* «перчатка» и др.

3. Икский подговор распространен в населенных пунктах Абдрахманово и Чеганлы Абдулинского района, которые заселены носителями мензелинского говора среднего диалекта и пензенскими представителями западного диалекта. В одних и тех же населенных пунктах происходило взаимовлияние говоров разных диалектов, в результате чего образовался смешанный говор, в котором преобладают особенности, свойственные западному диалекту. В подговоре бытует значительное число слов, связывающих его с западным диалектом, например, *олан/ылан* – дитя, ребенок, *йырт* – двор, *ынук/нука* – внук, *йдйэк* – щека.

II. Бугурусланский говор среднего диалекта распространен в северной части области. По дореволюционному административному делению эта территория входила в Бугурусланский уезд Самарской губернии. Основную роль в формировании данного говора сыграли представители казанских, нагорных, мензелинского говоров. Развивался он в тесном контакте с соседними мензелинским и камышлинским говорами среднего диалекта, испытал также определенное влияние и шарлыкского говора западного диалекта. Для данного говора характерно: активное употребление уменьшительно-ласкательного аффикса *-кай/-кэй* (*иркэкэй, апакай*), двойного аффикса принадлежности *-ысы/-есе* (*борнысы*); причастия на *-малы* (*баш сыймалы*); наличие следующих лексем: *дәверле* – сильный, крепкий, *илем* – человек, любящий других людей, *апай* – ласковое обращение к младшим, *бәллү* – люлька, *ақлашу* – сосватать невесту. В диалектных особенностях бугурусланского говора обнаруживается общность с белеебеевским подговором мензелинского говора.

III. Каргалинский говор среднего диалекта имеет ареал распространения в южной части области. Говор сформирован как поволжскими татарами, так и ногайцами более позднего заселения (XVIII в.). Данный говор испытал определенное влияние смежных говоров башкирского и казахского языков, в результате чего в нем появились характерные особенности, имеющие общность с ногайской группой тюркских языков. Этот говор характеризуется: наличием местоимений *анау/анавы* – вон тот, *ушы* – это; образованием посессивных числительных на основе собирательных форм вместо

количественных (*берәүсе* – вместо берсе, *бишәүсе* – вместо бише-се); наличием слов-наречий: *беркилке/берталай* – немного, *бикәр* – зря; наличием слов: *анай/түти* – сестра, женщина старше себя, *бийем* – свекровь, *биата* – свекор и др.

В составе каргалинского говора можно четко выделить два подговора:

1. Урало-сакмарский подговор, специфичными особенностями для которого являются: уменьшительно-ласкательная форма на *-ча/-чә* (*китача, киленчә*), глагольная форма на *-п қал-* (*эшеп қалыр*); послелогои *чикем, чиңгел, тықы, тақан* (до); употребление наряду с литературным *киләсе кеше* варианта *киләкәй кеше* и др.

2. Ареал распространения бузулукского подговора в населенных пунктах бассейнов рек Бузулук (приток Сакмары), Киндели и Илек (притоки Урала). Данный подговор отличается проявлением диалектных особенностей смешанного характера, что связано с историей формирования носителей бузулукского говора. Данная территория заселялась татарскими переселенцами из Казанского края и Закамья с конца XVII века до начала XX. Ему свойственно *ж-окань* в начале слова и слога (*жамгыр, денжа*); наличие слов: *буйдак* в значении наемщик, батрак, *түбә тақта* – потолок и др.

Бугурусланский и каргалинский говоры среднего диалекта в основе своей близки к современному татарскому литературному языку.

Что касается шарлыкского говора, то он, хотя и сохранил специфичные особенности, претерпел значительные изменения в сторону сближения со средним диалектом.

Наши наблюдения показывают, что исследуемые говоры в течение более пятидесяти лет с момента их первоначального изучения претерпели изменения в сторону сближения с татарским литературным языком. Кроме того, лексический материал отражает активное взаимовлияние говоров разных диалектов между собой, поскольку лексика, как наиболее изменчивый уровень языка, быстрее подвергается влиянию извне.

Вторая глава

СЛОВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕЛОВЕКА

2.1. Названия частей тела

Общее развитие языка, увеличение сферы его применения связано с определением терминологических названий в его лексическом составе; их развитие и составление из них определенной системы. Как отмечают ученые, подавляющее большинство всех новых слов, появляющихся в лексиконе различных языков, составляет специальная лексика. Именно поэтому такая лексика, различные аспекты слов, связанных с терминологической системой являются объектом изучения многих лингвистов.

На сегодняшний день, слова, связанные с человеком и его анатомией, в татарском языкознании изучены не в полной мере. Но есть отдельные исследования (Л.Т. Габдрахманова 1993, 1995, 1999, 2010; Д.Б. Рамазанова 2007, 2008, 2010, 2013, И.И. Сабитова 2010, 2014, 2020) и диалектологические словари, в которых представлены соматизмы и их диалектные синонимы. Наиболее полно соматический материал татарского языка нашел отражение в книге Д.Б. Рамазановой «Татар телендә кешегә бэйләнешле лексика» (2013). Материалы, касающиеся данной темы, нашли отражение также и в диссертациях по диалектологии.

Далее рассмотрим более подробно каждую из лексико-тематических групп соматизмов по татарским говорам Оренбуржья.

1. Лексика, обозначающая части тела и области человеческого тела. В зависимости от того, какой сфере обозначаемых объектов соответствует, делится на следующие:

Названия, являющиеся общесистемными обозначениями. Наряду с литературным термином *тән*, в шарлыкском говоре употребляется фонетический вариант литературного слова *гәүдә* **жәүдә**, встречающийся и в дрожжановском говоре.

Названия головы и ее частей. **Баш** «верхняя часть человеческого организма – голова» совпадает во всех рассматриваемых говорах с лексемой литературного языка.

Жөз (тат. литер. бит, йөз) «лицо» в каргалинском, так же в стерлитамакском, мензелинском и мамадышском говорах среднего диалекта (тат. литер. йөз). В шарлыкском говоре используется вариант **йөз** «лицо», встречающийся и в лямбирском и в других говорах западного диалекта. В бугурусланском и мензелинском говорах активнее участвует в речи соматизм **чырай**: *Чырайларыбыз кып-кызыл булып бетте, җиләк ашап.* – Лица стали красными, столько ягод съели.

Иңсә в западном диалекте (шрл., м.-кар.) и в говорах среднего диалекта (астр.) (тат. литер. баш арты, баш чүмече) обозначает «затылок». *Иңсәсе белән барып төшкән.* – Упал затылком навзничь (шрл.). В говоре нагорных крышен данное слово имеет значение «межплечье»; в нгб.-крш., чст.-крш. **иңсә** «плечо».

Сакал в шарлыкском говоре западного диалекта имеет значение «подбородок» (тат. литер. ияк), образованное от данной лексемы **сакал асты** в говорах западного диалекта имеет значение «нижняя часть подбородка». *Сакал астына бәләп йөри идек йаулыклары.* – Раньше было подвязывали платки под подбородком (шрл.).

Йэйәк «щека» употребляется в шарлыкском говоре западного диалекта (тат. литер. яңак), так же в кузн., хвл., срг., клд. говорах: *Йэйәкләре сьдрылып бетте йыгылып.* – Упал и ободрал себе щеки (шрл.). Существуют варианты: **ауртқы** брб. д. «щека». Ср.: тат. литер. *урт* «десна».

Названия шеи и туловища человека. В каргалинском, бугурусланском говорах шея обозначается литературной лексемой **муйын**. В шарлыкском говоре активно выступает фонетический вариант **мун'** (тат. литер. муен).

Буғаз «горло» в бугурусланском, каргалинском говорах Оренбуржья, в нгб.-крш. говоре **боғозлау** в том же значении.

Слово **гурла** [рус. горло] распространено в западном диалекте: в шарлыкском говоре а также в говоре заказанских крышен «горло», **грыла**.

Йотма в каргалинском говоре «зев, глотка» (тат. литер. йоткылык).

Иңөстө в шарлыкском говоре «предплечье».

Названия верхних конечностей. В каргалинском, бугурусланском говорах ареала Оренбуржья лексема **кул** (тат. литер. кул) «рука» совпадает с литературным вариантом.

Для обозначения кисти руки в каргалинском говоре употребляется слово **беләксә** (тат. литер. беләзек). В шарлыкском говоре – **беләзеклек** «запястье» (тат. литер. беләк сөяге). Данные лексемы восходят к древнему общетюркскому слову **беләк** «локоть», существовавшему ещё и в праязыке [Дыбо, 1996: 31]. В каргалинском говоре отмечен метафорический перенос слова **беләк** «козий пух в количестве, достаточном для обматывания в одну руку для разового прядения; локоток».

Бармак (шрл.) / **бармақ** (кргл., бгрс.) в исследуемых говорах, как и в литературном языке, обозначает общее наименование пальцев. Рассмотрим названия отдельных пальцев в татарских говорах Оренбуржья. В говорах среднего диалекта (т.е. кргл., бгрс.) – **баш бармақ** «большой палец», **балан ийәк** «указательный палец», **урта тийәк** «средний палец», **чүрәкәй бармақ / бәләкәй бармақ** «безымянный палец», **чәнәкәй/чәнки бармақ** «мизинец». То есть как и в мамадышском говоре [Рамазанова, 2013: 113].

В шарлыкском говоре используется следующая система: **баж бармак** «большой палец», **иман бармак** «указательный палец», **урта тирмәк** «средний палец», **атсыз бармак** «безымянный палец», **чәнчә бармак** «мизинец».

Названия нижних конечностей. Название нижней конечности человеческого организма, «нога», во всех говорах татарского языка совпадает с литературным **айак**. Необходимо отметить лишь вариативность **айак** в каргалинском и бугурусланском говорах. Кроме того, в значении «нога» выступают **тәпәй** в каргалинском (так же менз., тпк., злт; **тәпи** пар.; **цәпәк** чст. «лапа, нога»).

Из основы **айак** образованы названия частей ноги: **айагасты** (досл. низ ноги) шрл., хвл., лмб., тмн., мел. «ступня, стопа, подошва ноги»: *Айагастым ут кебек йана.* – Подошвы горят словно огонь (шрл.).

В каргалинском говоре, как и в нагорных говорах, бытует выражение **айак бите** «верхняя часть стопы ноги» (досл. лицо ноги);

в шарлыкском, также и в хвалынском и дрожжановском говорах отмечен вариант **айак бите**.

В шарлыкском говоре в значении «колено» бытует слово **бөгер** (тат. литер. тез). В каргалинском говоре в данном значении номинирует слово **тубык**, также встречающееся в аналогичном значении (бирск., менз., злт., перм., трбс., кр.-уф., тара., тбл., тюм.).

II. Лексика, используемая для номинации костей человеческого тела, их соединений. И в зависимости от того к какой сфере обозначаемых объектов принадлежат лексемы, ее можно распределить на следующие группы.

Названия костной системы человеческого организма в целом. **Сөяк** «кость» во всех говорах Оренбуржья, как и во всех говорах среднего диалекта и литературном языке. В шарлыкском же говоре западного диалекта значение «кость» передается вариантом **севэк**.

Быын (тат. литер. буын) в каргалинском говоре также и в тепекеевском говоре среднего диалекта «сустав».

В бугурусланском говоре **кимек**, как и в заказанских говорах «хрящ» (тат. литер. кимерчэк); в пермском же говоре данное слово имеет значение «губчатое костное вещество»;

Жилек/желек в татарском литературном языке и в среднем диалекте, **элек** в шарлыкском говоре, так же в лмб., кузн., хвл., мел., држ. говорах «костный мозг». Словосочетанием **арка элеге** в шарлыкском говоре именуют «спинной мозг».

Для наименования скелета человеческого организма в диалектах татарского языка употребляются лексемы **гәүдә** «скелет» в шарлыкском, сергачском говорах; **дүстер** в бугурусланском и заказанских говорах «скелет, тень, призрак».

Названия костей головы. По своему строению скелет головы человека состоит из костей черепа и костей лица. Сам череп в каргалинском, бугурусланском говорах и в литературном языке, обозначается словом **баш сөяге**, а в шарлыкском говоре и в других говорах западного диалекта именуется: **баш чирэбе**. Для наименования костей лица употребляются лексемы – **сакал севэге** шрл., м.-кар. «подбородочная кость», (тат. литер. ияк сөяге).

Названия костей туловища. **Арка севэге** в шарлыкском говоре, в каргалинском, бугурусланском, также в соседнем камышлинском говорах **арка сийэге** «позвоночник».

Арка үзәге в бугурусланском говоре имеет значение «спинной хребет» (тат. литер. арка сөяге). В каргалинском говоре в том же значении чаще встречается термин **арка чокоры**, который используется и в мамадышском говоре среднего диалекта, что ещё раз подтверждает наличие связей между материнским мамадышским и переселенческими говорами Оренбуржья.

Қабырға в каргалинском и бугурусланском говорах Оренбуржья, как и в татарском литературном языке, имеет значение «ребро». На основе данной лексемы образуются словосочетания **дөбә қабырғасы** в каргалинском и мензелинском говорах, **дөбә қабырғасы** в шарлыкском, также и в стерлитамакском говорах со значением «грудное ребро».

Названия костей верхних конечностей. **Инсә севәге** «ключица» в шарлыкском говоре, эта же лексема в населенных пунктах, приграничных с мензелинским говором (д. Сарманай) имеет значение «плечевая кость».

Ашық в бугурусланском говоре, также и в мензелинском говоре обозначает «козоны, суставные кости пальцев рук и ног». *Ашығы чыққан ийе бармагының.* – У него на руке сустав вывихнулось было когда-то (бгрс.).

Названия костей нижних конечностей. **Йанбаш** в шарлыкском говоре обозначает «тазовую кость» (тат. литер. оча сөяге), в данном значении слово используется и в сибирских диалектах.

Уртан жилек в бугурусланском, также и в мензелинском, стерлитамакском говорах имеет значение «толстая бедренная кость» (тат. литер. ботның юан сөяге).

Как уже говорилось выше, слово **тубық** (тат. литер. «щиколотка») в каргалинском говоре обозначает «колено», а в сочетании со словом *шайтан* – **шайтан тубық** имеет значение «лодыжка». Использование данного словосочетания можно объяснить верованием местного населения в то, что эту кость ставит сам *шайтан*, и играя, качая ногу человек попадает во власть черта [Ахметьянов 1988: 110].

III. Следующая категория лексики служит для обозначения внутренних органов человеческого организма.

Названия пищеварительных органов. **Үмәч** в каргалинском говоре, как и в материнских – мамадышском и в говорах заказанских

кряшен имеет значение «пищевод» (тат. литер. үңәч). *Ачыны аша-ма, үмәчең сызлар.* – Не ешь острого, пищевод будет болеть (кргл.).

Карын в каргалинском и бугурусланском говорах, а также в других говорах среднего диалекта «желудок; чрево, утроба» (тат. литер. карын). **Карта** в шарлыксом говоре «кишка» (тат. литер. эчәк), бытует и в пермском говоре в том же значении.

Названия дыхательных органов. Из диалектных слов следует отметить лексемы **йаналыш** «дыхание» в шарлыкском говоре, которое имеется и в кузнецком, хвалынском говорах; в шарлыкском говоре оно имеет ещё значение «дыхательный путь» (тат. литер. сулыш юлы).

Названия мочеполовых органов. По своей природе мочевые органы человека состоят из почек **бөйер** во всех говорах ареала Оренбуржья и других органов: **бала бүкәне** в каргалинском говоре, а также в мамадышском и мензелинском говорах «матка». **Жан жире** (*жан* «душа» + *жир* «место») в бугурусланском, в соседнем мензелинском говоре «пах» (тат. литер. касык). *Жан жирендә миңе бар ийе, миңне исем қушалар андый вақытта.* – В области паха была родинка, в таком случае давали имя с приставкой *миңне* (т.е. с родинкой).

Лексика, которая обозначает наименования кровеносной системы человеческого организма. Данная лексико-тематическая группа составляет самую малочисленную часть в системе соматизмов татарского языка. Такой объект номинации, как «селезенка» в каргалинском говоре, как и в татарском литературном языке и в большинстве татарских говоров, именуется **талак**.

Центральный орган кровообращения – сердце в говорах среднего диалекта обозначается так же, как и в литературном языке: **йөрәк**, в *ж*-окающих: **жөрәк**. Для западного диалекта характерен делябиализованный вариант **йерәк**, м.-кар. **жерәк**, забол. **йөрәх** и т.д. В бугурусланском, также и в мензелинском говорах **йөрәк сугу** «слабое сердцебиение; сердечный приступ». *Қан әзлектән була диләр йөрәк сузууы.* – Говорят, что слабое сердцебиение бывает при малокровьи.

И. Слова, служащие для номинации органов чувств человеческого организма. Является одной из малочисленных групп в системе соматической лексики татарского языка. В зависимости от принадлежности к соответствующей денотативной сфере обозначаемых объектов, она распределяется следующим образом.

Названия органов зрения. **Күз** «глаз» литературный вариант используется во всех исследуемых говорах. Лексику, связанную с частями глаза в татарском языке в основном составляют словосочетания, где атрибутивом является слово *күз*: *күз алмасы, күз кабагы, күз агы, күз чокыры*, и др.

Күз қарасы в каргалинском говоре «зрачок». В каргалинском говоре, также и в мензелинском, стерлитамакском, камышлинском говорах бытует выражение **керле күз**, обозначающее «угрюмое, хмурое лицо»: *ул алай керле күз белән карый торган кеше түгел*. – Он не такой человек, чтобы ходить с хмурым лицом.

Названия органов слуха. **Қолак** в каргалинском говоре «ухо», т.е. аналогично литературному **колак**. Отличие наблюдается лишь в шарлыкском говоре, где рассматриваемое слово выступает в делябиализованном варианте – **кылак**. К рассматриваемой тематической группе относятся также и такие номинативные единицы, как **колағ анасы (шрл.)** обозначает «внутреннее ухо»; **колак бөтеркәсе** «хрящ ушной раковины» и **колак ите, колак йомшағы** (кргл., бгрс.) «мочка ушной раковины».

Названия органов обоняния и вкуса. Они, каждые в отдельности, составляют самые малочисленные тематические группы в системе соматической лексики татарских диалектов, поэтому они рассматриваются нами вместе.

Борон в каргалинском и бугурусланском говорах, как и в среднем диалекте, обозначает «нос», а в шарлыкском говоре, как и в западном диалекте, выступает его метатезированный вариант – **бырны**. Для говоров западного диалекта и Приуралья в данном значении употребляется слово **танау/танав**. *Танавына чиртеп калдырды аны*. – Оставил его с носом. (шрл.).

Рот человека и его части в татарских говорах Оренбуржья обозначаются литературными словами **авыз, ирен, тел, теш**. Составляющие ротовой полости обозначаются лексемами: **гоба** [рус. губа] в шарлыкском также и в хвалынском, кузнецком, мелекесском, карсунском «губа».

VI. Слова, обозначающие болезни, недуги и другие проявления человеческого организма.

Названия болезней и недугов человека. В исследуемых говорах общее название болезней в большинстве говоров совпадает

с литературным **авыру, чир** «болезнь, недуг», но есть и узлокальные диалектизмы. Например, в бугурусланском говоре существует выражение **кәсел кеше** «больной человек», возможно это связано со словом, распространенным в сибирских диалектах, **кәс** «плохой, глупый», а также в западном диалекте **кәс** «бездарный, бестолковый». **Зыңқар** бгрс., кргл. «болезнь» (тат. литер. авыру). *Ике ел торгач, зыңқар булып китте.* – Прожив здесь два года, заболел и ушел от нас. **Гөзер** [араб.] кргл., бгрс. «изъян, болезнь» (тат. литер. кимчелек, авыру). *Йөрәгемдә гөзер бар дип кайтардылар брачлар.* – Врачи сказали, что у меня есть болезнь в сердце. **Зыңқарлау** бгрс., кргл. «болеть, недомогать» (тат. литер. авыру, авырып тору).

Названия проявлений человеческого организма. Чобарка в шарлыкском говоре «веснушки», как и в мелекесском. *Битенә чобарка тешкән, сүкемле кешегә түшә икән ул.* – У нее на лице появились веснушки, оказывается они появляются только у симпатичных людей. В шарлыкском говоре имеется также выражение *чобарай чаука*, что обозначает «веснушчатый».

Жемершү в каргалинском, также и пермском говорах «появиться – о мурашках».

Конечно, соматизмы в татарских говорах Оренбуржья не ограничиваются лишь этими лексемами. Изучение соматизмов из различных источников в лингвоструктурном и других аспектах дает богатую информацию о татарском языке. Поскольку названия, данные народом, для явлений, связанных с человеком и его организмом и телом, тесно связаны с верованиями, эстетическими взглядами, душевным миром народа, они показывают языковую культуру народа, его практическое и философское мышление, и картину мира, проявляющуюся через язык.

2.2. Названия, связанные с характеристикой человека

В последние десятилетия отмечается всё более возрастающее внимание к тематике человеческого фактора в языке, переход от лингвистики «имманентной» к «лингвистике антропологической, которая предлагает изучать язык в тесной взаимосвязи с человеком, его мышлением, сознанием, духовно-практической деятельностью» [Постовалова, 1988: 8]. Огромный интерес проявляется в науке к проблеме национальной языковой картины мира, особенно

к диалектному своеобразию языкового отображения действительности. Народные говоры являются значимым явлением в духовной культуре носителей языка и его диалектов, в связи с этим роль их особенно значительна для научных изысканий.

В данной главе рассматриваются диалектные лексемы в татарских говорах Оренбуржья и пограничных с ним регионах, характеризующие поведение человека и особенностей его характера в той или иной ситуации, применяющиеся для описания внешности человека и его внутреннего мира (психологического состояния): *матур* «ароматный, душистый, пахнущий» (тат. литер. *матур* «красивый»), *йәмне* «красивый – о почерке, о письме», *илем* «человек, любящий других людей, добрый по отношению к другим», *чапак* «смышлёный, способный», *шөкәтсез* «плохой, некрасивый», *йончу* «худой, тощий», *тәбәшәк* «низкий, невысокий; низко» и др. Ниже рассмотрим некоторые из них.

Наименования представлены по группам, объединённым по тем или иным оценкам качеств человека с точки зрения носителей данных говоров: 1) лексика, характеризующая человека с положительной стороны, 2) лексика, характеризующая человека с отрицательной стороны, 3) нейтральная лексика.

Лексика, характеризующая человека с положительной стороны. В ней выделяются слова, применяющиеся для описания внешности человека, особенно, группа лексем, связанная с понятием «красивый». Большинство лексем этой тематической группы совпадает с толкованием татарского литературного языка: *матур*, *сөйкемле*, *ямьле*, *ягымлы* и др.

Термин **матур** в каргалинском говоре обозначает «душистый, ароматный». (тат. литер. *тәмле*, *хуш исле*). Такое же значение данного слова бытует и в нурлатском говоре. В кузнецком, хвалынском, лямбирском говорах этот термин имеет значение «проворный, бойкий, умелый» (соответствует литературному *үткен*, *жңitez*, *оста*, *булдыклы*).

Кроме своего основного значения («красивый, прелестный, живописный») слово **йәмне** в каргалинском говоре приобрело дополнительный семантический оттенок: «красивый – о почерке, о письме». *Синең язуюң йәмне, мин алай булдыра алмыйм.* – У тебя красивый почерк, я так не смогу (писать).

В бугурусланском говоре «человека, любящего других людей, доброго по отношению к другим» (тат. литер. кеше яратучы, кешегә ягымлы кеше) обозначают лексемой **илем**. *Бу дөнъяда илемлерәк булырга кирәк*. – В этом мире надо быть более человеколюбивей. Возможно, это фонетический вариант слова **иләм** «красота». В каргалинском же говоре, как и в говоре нагорных крышен отмечено слово **иләмлек** «прелесть, красота» (тат. литер. матурлык). *Иләмлеге белән тарта инде бу яклар*. – Эти края тянут к себе своей красотой.

Чапақ в бугурусланском, каргалинском говорах обозначает «смышлёного, способного» человека (тат. литер. сәләтле, зирәк, оста). *Уқырга чапақ балалар аз иде*. – Способных к учению детей было мало. В каргалинском, бугурусланском и мензелинском говорах слово **чапақ** бытует в значении «хорошо подвешен язык, мастер на язык» (тат. литер. телгә оста). *Авылда ул кадәр грамотный, чапақ кеше йүк*. – У нас в деревне таких грамотных, хорошо владеющих языком людей очень мало.

Дастуй/дастуйын [от рус. достоин] является одним из активно употребляемых заимствований в татарских говорах Оренбуржья (в бугурусланском, каргалинском, а также и в камышлинском, чистопольском говорах) в значении «рослый, здоровый человек» (тат. литер. зур гәүдәле, озын буйлы кеше). *Хатәр дастуй булып үскән бу йегет*. – Чрезвычайно рослым стал этот парень. В каргалинском говоре **дастуй** обозначает «здоровый» (тат. литер. таза, сәламәт). *Йөрәк дастуй әле бу йәшикә кадәр*. – Сердце доо сих пор здоровое. Ср. в башкирских диалектах **дастуйын/дастыйын** «крепкий, здоровый» [ДСБЯ: 79].

Дәллә [араб.] в каргалинском говоре «смелый, бойкий, отчаянный», (тат. литер. үткен, чая). *Бабай ул дәллә кеше*. – Дед он смелый человек. Ср. в диалектах башкирского языка **дәллә** 1) «с душой, охотно»; 2) «знающий, толковый» [ДСБЯ: 84]. Слово **дәллә** в каргалинском говоре имеет ещё значение «злой», (тат. литер. явыз). *Әләкли шул дәллә хатын*. – Жалуется ведь злая женщина.

Лексика, оценивающая человека с отрицательной стороны. В каргалинском говоре **хыйты** «плохой, некрасивый». *Чамалы, хыйты кеше йалгызрак була инде* – Известно, что некрасивый человек обычно одинок. Ср.: **който** «плохой, дрянной» в говорах западного диалекта.

В каргалинском, златоустовском говорах «неприглядный, некрасивый на вид» человек (тат. литер. олы гәүдәле, ямьсез) обозначается лексемой **шикмәтсез**. *Йуван шикмәтсез кеше килә.* – Идёт толстый, неприглядный человек.

Шөкәтсез в каргалинском, также и в соседнем мензелинском говорах «плохой, некрасивый». *Кигән күлмәкләр шөкәтсезләрәк була иде кайбер вакыт.* – Иногда приходилось одевать некрасивые платья. Ср.: в материнском (мамадышском) говоре бытует глагол *шөкәтсезләнү*, который обозначает «стать безобразным, терять вид». Таким образом, в переселенческих говорах Оренбуржья сохранилась корневая форма данного слова, характерная для материнских говоров.

Слово **йончу** в каргалинском и бугурусланском говорах имеет значение «худой, тощий» (тат. литер. йончу «утомляться, измучиться»). *Менә түбән очтагы түти йончу инде.* – Вот родственница с нижнего конца деревни, вот она худая. (каргалинский). *Утыз тин дә кыйбат инде, йончу бит ите.* – Даже за тридцать копеек дорого, мясо-то тощее (бугурусланский говор)

Тәбәшәк «невысокий, низкий; низко» (тат. литер. тәбәнәк, түбән), в каргалинском, бугурусланском, шарлыкском говорах, бытует и в камышлинском, мензелинском, также и в златоустовском, пермском, турбаслинском, ичкинском, и др. говорах среднего диалекта татарского языка. *Тәбәшәк дип аска мөндәр салдым сәкегә.* – Так как нары низкие я подложила подушку. В бугурусланском и мензелинском говорах слово **тәбәшәк** бытует в значении «низкорослый», (тат. литер.) тәбәшәк буйлы. *Бер қатын тәбәшәгерәк кенә килеп керде.* – Зашла одна невысокая женщина [ТТЗДС: 615].

В каргалинском говоре «жадный, алчный, ненасытный» (дословно «жадный глаз»), (тат. литер. ач күзле) обозначается сложным словом **қомкүз**. В татарском литературном языке бытуют однокоренные слова: *комагай, комсыз*.

Сөпәт в шарлыкском говоре «человек, у которого некрасивый вид, человек как пугало» (тат. литер. ямьсез кыяфәтле кеше, карачкы шикелле). *Әниңең пәлтәсен кисәм, сөпәт булам.* – Если одену мамино пальто, становлюсь как пугало.

Селдерәгән в каргалинском говоре «очень старый, дряхлый – о человеке» (тат. литер. бик нык картайган, эштән чыккан – кеше

турында). *Минем кебек селдерэгән қарт булган инде.* – Был таким же дряхлым стариком, как и я.

Мокый в каргалинском, бугурусланском, и в материнском мамадышском и др. говорах «глупый, невежда» (тат. литер. аңгыра, миңгерәү, белекsez).

Майрық в каргалинском, бугурусланском, также и в дубязском говорах «физически слабый, рыхлый» (тат. литер. көчsez, физик яктан йомшак). *Абау, бигрәк майрық инде.* – Ой, какой же слабый. Ср. в южном диалекте башкирского языка **майрық** «хилый» [ДСБЯ: 227].

Очтокый в каргалинском говоре «кокетливый, жеманный» (тат. литер. кыланчык). *Мақтанчық нәрсә инде бер, очтокый ул Ғыйрфан.* – Хвастливый человек он, жеманный он, Гыйрфан.

Қырку в бугурусланском, заказанских говорах и говоре нагорных кряшен «крутой, строгий», литер. кырыс. *Балаларға қырку иде бик.* – Он был очень строг с детьми.

Лексика с нейтральной оценкой. В каргалинском говоре значение «каждый, всякий» (тат. литер. теләсә кем, һәркем, теләсә нәрсә) передается словом **тимәбер**: *Тимәбереннән көннәшеп эшләште* – Помог, завидуя каждому. В каргалинском, как и в мензелинском говоре, существует и другое значение слова **тимәбер** «всегда, постоянно, всё время» (тат. литер. гел, һәрвакыт).

Чебек в каргалинском говоре употребляется в значении «тонкий» (тат. литер. нечкә, нәзек). *Бигрәк чебек, бу кыз бала.* – Такая тонкая эта девчушка.

Дөм в татарском литературном языке является усилительным словом, например, *дөм караңгы* «абсолютная тьма». В каргалинском, дубязском говорах диалектный вариант этой частицы **дөмә-дөм** используется как самостоятельное слово, которое имеет значение «слепой» (тат. литер. сукыр).

Мумыш [рус. немой] в шарлыкском говоре «немой» (тат. литер. телsez). *Карале, теге мумыш нәрсәдер айтә бит, авызы ачылган.* – Смотри-ка, этот немой что-то говорит, рот у него открылся.

Ләпәк [мари.] в бугурусланском, мензелинском, байкибашевском, турбаслинском, бирском говорах «низкий, низко, плоский» (тат. литер. тәбәнәк, яссы). *Түбәсе күренеп тора бит ләпәк кенә булып.* – Крышу видно ведь, низенькая.

Глаголы, связанные с психологической характеристикой: **бор-салау** бгрс. «беспокоить, тревожить, донимать» (тат. литер. борчу, аптырату). **Қытымышлану** кргл. «жадничать, скряжничать» (тат. литер. саранлану). **Қыйшаннау** кргл., бгрс., кр.-уф., злт. «хвастаться, кривляться» (тат. литер. мактану, кылану). **Қупайу** кргл., злт. «хвастаться» (тат. литер. мактану). **Латына** [рус. лад + афф. -ына] **тешу** шрл. 1. «наладиться» (тат. литер. жайга салыну); 2. «разобраться в чем-либо, понять что-либо» (тат. литер. рәтенә төшү). **Ызалану** кргл., менз., стрл. «мучиться, замучаться» (тат. литер. интегү, газаплану). **Ызығау** кргл. «мучить, замучить, измять» (тат. литер. жәфалау, интектерү, алжыту). **Чин қору** кргл., бгрс. «потерять авторитет» (тат. литер. дәрәжә төшү). **Адаландыру** бгрс., менз., чст., мел. «заставить полюбить, увлечь за собой кого-либо» (тат. литер. яратыру, үзенә карату).

По результатам анализа единиц диалектных лексем, характеризующих человека, видно, что лексемы с отрицательной оценкой в количественном соотношении преобладают над лексемами, которые выражают положительную оценку. Такие показатели позволяют сделать выводы о том, что преобладание наименований с отрицательной оценкой показывает стремление носителей говоров к идеальному человеку. Что в свою очередь отражает языковую картину мира татар Оренбуржья, позволяет указывать на свойства и особенности, отклоняющиеся от норм и идеалов, и позволяет давать им наименования, отражающие отношение носителей к этому качеству. При сопоставлении лексики татарских говоров Оренбуржья и татарского литературного языка, других говоров татарского языка, с пограничными языками (башкирским, русским, казахским и др.), выявилось наличие междиалектных параллелей, что объясняется тесным общением их в общей географической среде, обменом хозяйственно-культурным опытом. Наблюдается также изменение смысловых оттенков некоторых лексем и сохранение в татарских говорах Оренбуржья основных форм и значений слов материнских говоров.

Как свидетельствует анализируемый нами материал, в татарских говорах Оренбуржья обнаруживаются оригинальные слова и выражения, обозначающие части тела и характеризующие человека с различных точек зрения.

Третья глава

НАЗВАНИЯ ЖИВОЙ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ

3.1. Слова, обозначающие природные явления

Климатическая и ландшафтная лексика, является одной из древних и устойчивых пластов, которая свидетельствует о жизни носителей языка. Народные названия географии и метеорологии – один из обширнейших информативных лексических источников, который включает в себе не только сведения о климатических условиях и географических особенностях проживания отдельно взятого этнического состава определенного ареала, но также и его связях (прежде всего языковых) с другими членами общества [Флягина, 2004: 5], о духовной культуре носителей языка.

В татарских говорах Оренбуржья для обозначения природно-климатических явлений используются слова: *зэрэ* «яркое освещение горизонта перед восходом солнца», *зэрэ йарылу* «рассветать», *кен зэрәсе* «дневной свет», *жар* «жарко», *тушина* «тяжело для дыхания», *айаз ачу* «проясниться (о погоде)», *томрау/тымрау* «обволакивать тучами», *мажагай* «зарница», *ырашкы* «атмосферные осадки в виде округлых частичек льда» и др. Также в эту группу входят пространственно-временные понятия, характерные для исследуемых говоров: *шәйеп*, *тақан*, *тайық*, *тике*, *чәкле*, *чикле* «до»; *тәү*, *пирут* [рус.] «сначала, прежде»; *элкүк* «ещё раньше»; *тора салып* «вдруг, неожиданно»; *аннан кире* «потом, затем»; *башала*, *тепте*, *төң*, *дөм*, *мысе* [рус.] и др.

Зэрэ в шарлыкском говоре «освещение горизонта перед самым восходом солнца». Ср.: в сергачском говоре и говоре нагорных кряшен **зар'а** «заря». Заря воспринимается носителями как

определенное явление природы, при котором происходит некое раскалывание, в результате которого проявляется свет, о чем ярко свидетельствуют выражения в шарлыкском и стерлитамакском говорах **зэрэ йарылу**. Ср.: **зар'а йарылу** (срг.), **зэрэ беленү** (чпр.) «рассветать».

Кен зэрәсе «дневной свет» в шарлыкском говоре. *Кен зэрәсе беткәч, куркыныч була.* – Когда опускаются сумерки, становится страшно. Таким образом, в переселенческом шарлыкском говоре у слова **заря** расширилась деривация и обогатилась семантическая функция.

Довольно обширно представлена группа лексем, которые выражают атмосферные осадки и явления, связанные с ними. **Томрау/тымрау** в шарлыкском говоре, а также в кузнецком и хвалынском говорах «обволакивать тучами», в кузнецком говоре используется также вариант **турсайу**. Слово *томрау* Р.Г. Ахметьянов указывает на связи с *томарау* «обволакиваться», предоставляя к примеру якутское слово *тумарый* «затуманиться» и делает предположение о существовании другого слова *томыр* со значением «закрытый» [Ахметьянов 2001: 204]. Вероятнее, что *томрау*, так же как и *томан*, образовано от глагольной основы *том-* «обволакиваться», что так же находит отражение в работе А.Г. Казихановой [Казиханова 2011: 108].

Айаз ачу в шарлыкском говоре, и также в стерлитамакском, хвалынском говорах имеет значение «проясниться (о погоде)». Лексема образована от тюркской основы *ajaz* «ясный, безоблачный» производной от корня *aj* [Мусаев 1984: 44].

Ырашкы «атмосферные осадки, представляющие собой круглые частички льда» в шарлыкском, также и в камышлинском говорах. В златоустовском говоре используется вариант **рашкы**. Любопытны параллели этого слова: **чирахман** (тмн., лмб., кузн.), **чырахман** (лмб.), **шишара** (чст.) «град, дождь с градом». Интересно, что в шарлыкском говоре слово **чирахман** обозначает растение «лопух». Слово **чирахман** употребляется также и в мордовском языке в значении «осадки, град».

Как и во всех местах проживания татар, в Оренбургской области зарница достаточно распространенное явление: **мажагай** в каргалинском говоре: *Мажагай ашлыҡ йеткәндә ачыла*

да йабыла. – Зарница появляется и исчезает в то время, когда попевают хлеба; **нэжагай** в шарлыкском говоре. Арыш чэчкэ аткан вакытта нэжагай була. – Зарница играет, когда цветет розь.

Лексика говоров части населенных пунктов в Оренбургской области, расположенных довольно близко к водным объектам, содержит определенное количество названий гидрообъектов и их частей. Лексика, отражающая водные объекты, включает в себя слова *бума* «пруд», *шэр* «вода, наледь, выступившая из льда», *типкен* «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения», *бутык* «мутный – о воде», *сыяа булып төшү* «лави́на, половодье, стекающее с горы после проливного дождя или наступления весны», *қолороқ* «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения» и др.

Бума в шарлыкском говоре «пруд», аналогичный термин бытует и в кузнецком, хвалынском, лямбирском и др. говорах. *Бул'дозир бума буварга китте*. – Бульдозер поехал рыть пруд. **Шэр** в шарлыкском говоре, а также в пермском, златоустовском, бирском говорах «вода, наледь, выступившая на льду»: *Боз өстенә шэр чыккан инде*. – На льду уже выступила вода (шрл.).

Типкен в бугурусланском говоре, а также в мензелинском, златоустовском и стерлитамакском говорах «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения»: *Суны бугач, кирегә агувын дә типкен диләр*. – Когда реку перекрывают, вода течет обратно – это мы тоже называем *типкен*.

Бутык в шарлыкском говоре «мутный – о воде»: *Су бутык түгелме сон?* – Вода разве не мутная?

Лексема **қолороқ** имеет значение «подводное углубление у берега реки» в мамадышском говоре и говоре нагорных кряшен, в каргалинском и бугурусланском говорах эта лексема обозначает «тихий уголок, закуток, закоулок». В данном случае слово приобрело иную семантику в переселенческих говорах Оренбуржья, где сема «тихий уголок» оказалась общей для указанных значений

Терминология географических объектов татарских говоров Оренбуржья в основе своей общетюркская, наряду с этим, в ней наблюдаются и узколокальные лексемы. Народные названия географических объектов претерпели изменения также в результате взаимовлияния с другими языками. Чем объясняется разнообразие и неоднородность лексического состава исследуемой диалектной

группы слов, отражающей рельеф местности: *уй* «равнина», *уйаз* «низменность», *астыр* «низменность», *чүгәрмәк* «низина, лощина», *дала* «поле», *йапан* «поле», *уба* «вершина холма, возвышенность, возвышенное место», *қырыннық* «наклонное место», *қомақ* «песчаный», *лай* «глина», «ил, грязь», *мәте* «жидкая грязь», *чукрақ* «грязь, глина», *гал'ык* «галька», *йырын* «рытвина, канава, овражек», *дәңгезлек* «ухабы, рытвина, колдобина», и др.

Например, группу со значением «равнина» образуют лексемы **уй** в шарлыкском, а также в лямбирском, кузнецком, темниковском и др. говорах. Это ещё раз доказывает устойчивость особенностей в переселенческих говорах.

В каргалинском говоре для обозначения понятия «низменность» используются следующие лексемы: **уйаз** – *Уйаз инде анда жир*. – Земля там низменная. **Астыр**: *Мыни мы астырда гына элеке ил урыны*. – Вот на этой низменности было расположено прежнее место (нашей) деревни. В данном примере слово **ил** выступает в значении «деревня», характерном для бугурусланского, шарлыкского, мензелинского и других говоров. В бугурусланском говоре отмечена лексема **чүгәрмәк** «низина, лощина». Интересен факт использования в темниковском, лямбирском, кузнецком, сергачском и др. говорах усеченного варианта **уй**. Как и в каргалинском говоре, лексема **уйаз** восходит к общетюркскому *ōj* «ложбина, котлован».

В бугурусланском, каргалинском говорах **ур** «глубокая канава». В данном случае проявляется общность с другими говорами, златоустовский говор **ур** – в том же значении, в сибирских диалектах **оро** «яма, рытвина». В тюркских языках бытуют разные фонетические варианты данного слова с общей семьей «яма»: башк. *ур*, казах., ккалп., кирг. *ор* «яма, ров», алт. *оро/ора* «яма», кбалк. *уру* «яма», шор. *ора* «длинный овраг», туркм. *уры* «яма для хранения зерна», др.-тюрк. *ору* «яма для хранения овощей» [ДТС 1969: 371].

В каргалинском говоре слово **дала** в значении «поле» (в татарском литературном языке слово **дала** обозначает «степь», а в значении «поле» употребляются лексемы *кыр*, *басу*): *Иртәгә көн матур булса, далага чыгарсыз*. – Если завтра погода будет хорошая, то выйдете на поле.

В бугурусланском говоре в данном значении используется слово **йапан**, встречающееся также в хвалынском, мелекесском,

пермском и др. говорах: *Йапаннан йапанга йөри идек*. – Раньше ходили из поля в поле. Ср.: **йафан** (кузн., хвл.), **дангыл эстип** (тмн.), **дэнгел эстип** (срг.) «голая степь». Особенностью этой лексико-семантической группы является то, что основной состав родовых терминов, представляют собой тюркские, исконные слова, хотя часть образуют заимствования. Например, слово *йапан* и ее фонетический вариант *йафан* исследователи связывают с перс. *бийабан* «голая степь» [Ахметьянов 2001: 264]. *Эстип* восходит к русскому *степь*. Дериват *тубәнчек* является суффиксальным образованием от *тубән* «низкий».

Антонимичное значение, обозначающее «возвышенность», в каргалинском, бугурусланском говорах передается лексемой **уба**, которая имеет значение «вершина холма, возвышенность, возвышенное место»: *Оно уба бар анда, шуның артында мәчет иде*. – Вот там возвышенность, за ней раньше была мечеть. Довольно активное употребление слова **уба** отмечено в стерлитамакском, тобольском и тевризском говорах.

Необходимо указать отличия татарских говоров Оренбуржья по составу лексико-семантической группы, связанной с видами почв. **Қомақ** в каргалинском говоре «песчаный»: *Ылғый қомақ иде бездә*. – Раньше берег был у нас только песчаным.

Лай в каргалинском и бугурусланском говорах (тат. литер **лай** «ил, жидкая грязь») 1. «глина» (литер. *балчык*), 2. «ил, грязь» (литер. *ләм, баткак*): *Сезнең бутыйларыгыз лай тулыдыр инде*. – Ваши ботики наверное полны грязи (кргл.).

В шарлыкском говоре **гал'ык** [рус.] «галька»: *Өй башын йапканда эстенә гал'ык сибәсең*. – Когда кроешь крышу дома, насыпашь гальку.

Группа лексем со значением «выбоины на дороге, рытвины, ухабы». В каргалинском, бугурусланском говорах **йырын** «рытвина, канава, овражек» (тат. литер. *ерганак* «овраг, пробоина, рытвина»): *Без печән чапқан йырын бу*. – Это овражек, где мы косили сено.

Дэнгезлек в шарлыкском говоре «ухабы, рытвина, колдобина». Ср.: *враг* (лмб. кузн.), *врак* (лмб., кузн.), *бырак* (кузн.), *чогор* (стрл.) «овраг», *жытқы* (перм.), *жырынды* (перм.) «овражек».

Основным пластом лексики природно-климатических явлений являются тюркские слова и корни (*уй* «равнина», *уйаз* «низмен-

ность», *уба* «вершина холма, возвышенность, возвышенное место»). Обнаруживаются также и параллели с монгольскими языками (*қырыннық* «наклонное место», монг. *хээр* «степь, поле»; *қомақ* «песчаный», монг. *qитаq* «песок»). Отмечаются и узколокальные лексемы, характерные для данной местности (*кен зәрәсе* «дневной свет», *тушина* «тяжело для дыхания», *айаз ачу* «проясниться (о погоде)», *бутык* «мутный – о воде», *сыйа булып төшу* «лавина, половодье, стекающее с возвышенностей после проливного дождя или наступления весны», *қолороқ* «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения, *астыр* «низменность», *мәте* «жидкая грязь», *чукрақ* «грязь, глина») и др.

3.2. Названия растительного мира

Названия растений, которые произрастают на территории расселения татар Оренбуржья, являются неотъемлемой частью словарного состава лексики. Подавляющее большинство их составляют общетюркские слова и корни. Значительная часть их приходится на местные образования.

Названия деревьев. Для обозначения общего названия дерева в татарских говорах Оренбуржья бытует общетюркское слово **ағач**. Названия деревьев в основном совпадают с литературными эквивалентами, хотя обнаруживаются и диалектные слова: *қарагай* «сосна», *қайын* «береза», *чаган* «клен», *татар чаган* «черноклен», и др.

Рассмотрим подробнее некоторые названия деревьев, характерные для исследуемых говоров.

Чаган в бугурусланском, каргалинском говорах, как и в смежном мензелинском, камышлинском, бирском, пермском говорах, «клён» (тат. литер. өрәңге)» черноклен, татарский клен». Параллели лексемы *чаган* имеются в монгольском языке [Бурганова 1976: 144].

Карагай (< *қара* «черный, густой, темный» + афф. *-гай*) в каргалинском, шарлыкском говорах, а также в других татарских говорах Приуралья, сибирских диалектах «сосна» (тат. литер. нарат). В татарском литературном языке данное слово обозначает «лиственницу». Ср.: *карагай* в ног., кум., ккалп., алт., хак., узб., башк., уйг. «сосна», в кирг., уйг. диал. «ель». Словоформа *карагай* представлена во всех тюркских языках, кроме юго-западных огузских,

сопоставляется с монгольской формой *харагай*, в ограниченном распространении «лиственница», «сосна», «ель или лиственница, хвойное дерево» [Фасмер 2004: 292].

Названия орехов. **Чиртләвек** в каргалинском и бугурусланском говорах «орех» (тат. лит. чикләвек). *Чиртләвек күп булды, қапчық-қапчық жыйдық.* – Орех уродился, собирали мешками (бгрс.). В бугурусланском говоре бытует также вариант **чики**, характерный для материнского мамадышского, также и нурлатского говоров в том же значении.

В шарлыкском говоре **экәлә** обозначает «жёлудь», отмеченный и в материнских заказанских, также и хвалынском, кузнецком, карсунском говорах. Ср.: в пермском говоре **экәлә** «шишка некоторых деревьев», в мамадышском говоре «серёжка – у березы».

Мәмәй в каргалинском и златоустовском говорах «горошины просвирняка приземистого» (тат. литер. песи борчагы): *Песәй йафрагының мәмәйе була бит.* – У просвирняка приземистого бывают горошины. Интересно, что в татарском литературном языке слово **мәмәй** обозначает «еда, лакомство (на детском языке)». В данном случае наблюдается переосмысление значения слова в татарских говорах Оренбуржья.

Названия кустарников и ягодных культур. Большинство названий кустов и ягод совпадают с лексемами татарского литературного языка, но имеются и отличия. Названия кустарников включают в себя такие слова: *камыр жимеше, алморон, гөлйемеш, үгез күзе, шупин, шыпый* «шиповник», *майран* «боярышник», *шелек* «карагана кустарниковая, дереза», *уйылдык* «место, где много ягод» и др.

В шарлыкском говоре западного диалекта в значении «шиповник» употребляются следующие лексемы: *камыр жимеше, алморон, гөлйемеш, үгез күзе, шупин, шыпый.* **Алморон** (образовано от ал «алый» + морын (фонетический вариант слова борын) «нос») «шиповник» (тат. литер. гөлжимеш).

Үгез күзе в шарлыкском говоре, также и во многих говорах западного диалекта «шиповник». **Камыр жиләге** в шарлыкском и смежном стерлитамакском говоре «шиповник». *Чәнчекле ал чәчәк ата камыр жиләге.* – Шиповник цветет алыми цветами с шипами. В мензелинском говоре в том же значении отмечен вариант **камыр жимеше**. Представляет интерес бытование выражений и слов с ос-

новой **камыр**: в тепекеевском говоре **камыраш**, в пермском **камырлавык**, в шарлыкском встречается вариант **камырлык**. В мензелинском говоре **камырлык** обозначают растение «боярышник». Здесь наблюдается смена семантики слова, однако общая сема сохраняется: мякоть ягод сравнивается с тестом.

Термины **шупин/шыпый** восходят к русскому шиповник. Например, *Шыпый чэчэг атса, хэтта исе айбэт була*. – Когда цветет шиповник, распространяется очень вкусный аромат.

Майран в каргалинском говоре «боярышник» (тат. литер. дүләнә): *Майран балан кебек сары төстә була*. – Боярышник как калина бывает желтого цвета. Ср.: в тарханском говоре **майар миләше** «бузина» (тат. литер. карга миләше). Слово **майран** образовано от *майар* – фонетического варианта русского *баяр*. В каргалинском и бугурусланском говорах на основе данного слова образовано словосочетание **байар шелеге (шөлеге)** «желтая акация». Ср.: в материнском мамадышском говоре **байар ағачы**, в чистопольском **байар кувагы** «желтая акация», в чистопольском говоре **байар мälәше** «бузина».

Уйылдық в каргалинском говоре «место, где много ягод». *Йақын килмәгез, дисең, уйылдық тапсаң*. – Говоришь, чтобы не подходили близко, если найдёшь ягодное место. Ср.: в златоустовском говоре **уйдым** в том же значении.

Названия трав и цветов. В каргалинском, бугурусланском, шарлыкском говорах общее понятие трава передается терминами **үлән, ут, печән, суданка**. К названиям трав и цветов относятся слова: *мышкы* (< морд.) в шарлыкском, также и в темниковском, лямбирском, кузнецком, хвалынском, чистопольском, карсунском говорах «конопля». *Куйан солосы* в каргалинском и бугурусланском говорах «овсюг опущенный» (тат. литер. – кара солычаның бер төре). *Қыр кишере* в каргалинском и бугурусланском говорах «бутень клубненосный» (тат. литер йонлы бәрәңге), т.е. клубни и листья этой травы сопоставляются с морковью. *Кучан* «лопух» (имеется в виду лопух первого года, корень которого съедобен). *Чай үләнә/ казчай* в каргалинском, бугурусланском и нижекамско-кряшенском говорах «осот полевой» (тат. литер. сөтле билчән). *Сүвәрби/ сийәрби* в шарлыкском говоре «свербига восточная» (тат. литер. кақы), твр. *сийәрби* в том же значении. *Төймәле баиш*

в бугурусланском говоре «василек луговой» (тат. литер. зэнгэр болын чэчәге). *Йара үләне* в каргалинском, бугурусланском, также и в мамадышском и пермском говорах «подорожник» (тат. литер. бака яфрагы). *Дуңгелди* в шарлыкском, также и в лямбирском и кузнецком говорах «просвирняк» (тат. литер. песи борчагы). *Дурман* в каргалинском говоре «белена» (тат. литер. тиле бэрэн орлыгы). *Кузгылдак* – «щавель кислый» (тат. литер. эче кузгалак). *Камыш чэчәге* «сусак зонтичный», *күрән* «войник тростниковидный», и др. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Мышкы (< морд.) в шарлыкском, также и в темниковском, лямбирском, кузнецком, хвалынском, чистопольском, карсунском говорах «конопля» (тат. литер. киндер). *Элгәре заманда чәчәләр иде мышкыны.* – Раньше сеяли коноплю. В шарлыкском, также в мензелинском, карсунском говорах **мышкы** «конопляное волокно, пакля» (тат. литер. киндер сүсе). *Киндераишы тау башында жәйеп китерәләр, талкыйлар, талкысы төши, мышкысын эрлиләр.* – шрл. В карсунском говоре данное слово имеет значение «стебель конопли». В указанных говорах используется также вариант **мошкы**. В бугурусланском, шарлыкском и в смежном стерлитамакском, также и в кузнецком говорах на основе данного слова возникло выражение **кара мышкы/кара мошкы** со значением «конопля, не дающая семена, посконь, дерганцы», **сары мышкы/сары мошкы** со значением «семенная конопля; матерка, матка», **кыр мошкысы** в шарлыкском и стерлитамакском говорах «дикая конопля».

Бүтәкә в каргалинском, бугурусланском говорах «белоус» (тат. литер. акмыек). *Бүтәкәләр күтәрелә йәм йәшел булып, көз йаңгырлар булса.* – Если пройдут осенние дожди, то поднимаются зеленые белоусы. В татарском литературном языке **бүтәкә** обозначает «желудок – у птиц».

В данную лексико-семантическую группу входят также единицы, выраженные глаголом и другими частями речи: **пыжу** в каргалинском, бугурусланском говорах, также и в мензелинском, стерлитамакском, байкибашском и др. говорах «вянуть» (тат. литер. шиңү); **пукран** в шарлыкском, также и в стерлитамакском, лямбирском говорах «недозрелый, неспелый, зеленый – о ягодах», в бугурусланском говоре в данном значении употребляется лексема **туң**, как и в пермском говоре; **ыйыған** в каргалинском говоре

«уродиться – о травах»; **түлләнү** «завязываться – о плоде» (кргл.); **чат** в каргалинском и шарлыкском говорах, как и в материнском мамадышском говоре «ветвь»; **жиләк иләве** в каргалинском говоре «ягодник». Ср.: башк. **кырмыска иләве** «муравейник».

Наши исследования семантики лексем, связанных с растительным миром подтверждают выводы А.Г. Казихановой о преобладании принципа номинации в названиях растений в основном по внешним признакам: цвет растения или его частей, запах, форма цветков, лечебные свойства, место произрастания, съедобность/ несъедобность и т.д. А.Г. Казиханова пришла к выводу о том, что каждая группа и даже более частные подгруппы специфичны [Казиханова 2011: 14]. Так, в говорах Оренбуржья большая часть названий шиповника, как выявлено нами, образуется с зоокомпонентом (*камар жыләге, алморон*) или по модели зооним + соматизм (*үгез күзе*) и т.д. Растения семейства крестоцветных чаще образуются по модели зооним + фитоним (*камар жыләге, қуйан солосы, йара үләне*). Названия растений семейств бальзаминовых, геснериевых, розоцветных, как правило, имеют в составе компонент *гөл* «цветок», который употребляется по отношению к комнатным растениям: *тамчы гөл, йүкә гөле, йаран гөле, кычыткан гөле* и др., т.е. для номинации по внешнему виду в фитонимической лексике более актуальным является сравнение с уже известными представителями флоры и фауны.

В данной тематической группе более активно выступает местное словотворчество (*мәмәй* «горошины просвирняка приземистого», *қыр кишере* «бутень клубненосный», *үгез күзе* «шиповник» и др.). Местным названиям растений присуще оригинальные принципы номинации (*камыр жимеше* «шиповник», *йара үләне* «подорожник», *төймәле баш* «василек луговой» и др.).

3.3. Названия животных и птиц

Названия животного мира, будучи одним из древнейших пластов лексики, издавна привлекают внимание многих ученых.

В татарском языкознании сведения о зоонимической лексике можно найти в работах Э.М. Ахунзянова [1955, 1968], Л.Т. Махмутовой [1962, 1978, 1979], Р.Г. Ахметьянова [1969, 1978, 1989], Т.Х. Хайрутдиновой [1985], Х.Ч. Алишиной [1994], З.Р. Садыковой

[1994], Д.Б. Рамазановой [1996], А.Р. Рахимовой [2001] и др., в которых освещается лексическая система определенного диалекта или говора. В монографии З.Р. Садыковой [1994] «Зоонимическая лексика татарского языка», названия животных и термины пчеловодства впервые исследуются в наиболее полном объеме в синхронном и диахронном аспектах. Также у этого автора есть статья «Ареальное употребление некоторых названий домашних животных в татарских говорах», где дается лингвистический анализ отдельным названиям, определяется ареал их употребления [Садыкова 1992: 85].

Большинство названий животных в татарских говорах совпадает с их татарскими литературными эквивалентами. Вместе с тем, имеют место слова и термины, свойственные нескольким или отдельным говорам.

Ниже рассмотрим собирательные наименования домашних животных и птиц, половозрастные названия, названия домашних животных по масти, внешнему виду, породе, состоянию, значимости в хозяйстве, повадкам, поведению и по другим признакам, а также диалектные названия диких животных, птиц и насекомых, распространенных в татарских говорах Оренбуржья.

Оренбуржье является одним из главных козоводческих районов России. На территории области еще в XIX веке была выведена и разводится в настоящее время пуховая коза, являющаяся одной из лучших пород – оренбургская.

Для обозначения домашней козы во многих говорах (каргалинский, заказанские, нагорные) употребляется литературное **кэжэ**. Татарским говорам приуральского региона, в том числе бугурусланскому и шарлыкскому, свойственен фонетический вариант **кэзэ**.

«Коза с пуховой шерстью» в большинстве говоров имеет название **мамык кэжэ**, в каргалинском говоре употребляется в этом значении выражение **дебет кэзэ**. В каргалинском говоре и сибирских диалектах слово **дебет** обозначает «козий пух», тат. литер. **кэжэ** мамыгы. На основе лексемы **дебет** образованы словосочетания – **дебет чүпләү** «очистка козьего пуха от волосков и примесей»: *Шәл бәйләү дебет чүпләүдән башланган.* – Вязание шалей начинается с очистки козьего пуха от примесей. **Тараган дебет, тарак дебет** «козий пух с более коротким, густым и мягким волокном, счесанный с местных коз».

Бэкэй в каргалинском, заказанских, мензелинском, златоустовских говорах обозначает «ягненок, козленка». Также для приуральских говоров характерны: в каргалинском говоре **бэрэч, бэрэчкэй**, как и в мензелинском говоре; **бэрэс, пэрэс** (тепекеевский). Эти лексемы являются заимствованными из русского языка. Ср. рус. баран, барашка [Щербак 1961: 114].

Ыргач/оргач «ягненок-самка». *Төрлене туды сарыгым, ыргачны да, тэкэне дә.* – Овца моя принесла и самку и самца (кргл.).

В шарлыкском говоре в значении «годовалая неягнившаяся овца или коза» употребляется заимствованное слово **йэркэ** (от рус. ярка). *Сарык икене чагалаган: берсе йарка, берсе тэкэ.* – шрл. Так же и в стерлитамакском, мелекесском, темниковском говорах.

Литературное **ат** «лошадь, конь» употребляется в основном в среднем диалекте. В татарских говорах слово **ат** в сочетании с определительными словами образует описательные термины, дифференцирующие лошадей по нраву, состоянию, породе и т.д. **Чабу аты** (< *чан* «бегать» + афф. -у) в бугурусланском, также и в камышлинском говорах «лошадь для участия в скачках».

Ала ат (тат. литер. *ала* «пегий, с пезинами, рябой») в каргалинском говоре Оренбуржья, как и во многих говорах среднего диалекта, имеет значение «пегая лошадь». В бугурусланском и шарлыкском говорах **ала/пигэшкэ**, т.е. как и в материнских заказанских говорах, во многих говорах западного диалекта и отдельных говорах среднего диалекта – **ала/пигашка** (заказанские, дрожжановский), **пигай** (чистопольский).

Бурлы ат в каргалинском, бугурусланском, также и в златоустовском и заказанских говорах имеет значение «лошадь с белесыми участками на спине», «каурая», «чалая».

Чал ат (< *чал* «седой») в бугурусланском, каргалинском, в среднем камышлинском говорах «чалая лошадь» (тат. литер. *тарлан* «светло-синяя», «сиво-чалая»).

Еще одна важная отрасль животноводства Оренбуржья – птицеводство. Большинство лексем, называющих представителей птиц, совпадают с их литературными эквивалентами, но есть и названия, ограниченные в сфере употребления.

Литературное название *каз* «гусь» в сочетании со словом *дуадак* в различных фонетических вариантах (**дувадак** в каргалинском,

камышлинском, ичкинском говорах, дывадық в нагорных говорах, **дувадақ, дуғазак** в мензелинском говоре) передает значение «гусыня, не выведившая гусят».

Дувадақ, дывадак в значении «дрофа» бытует в каргалинском говоре и на юге распространения мензелинского говора. **Әнәч** в шарлыкском говоре, также и в лямбирском, кузнецком, хвалынском, ичкинском, стерлитамакском говорах «цыпленок-курочка, не петушок»: *Мынысы әнәч, мынысы әтәч дибез.* – Мы говорим – это цыпленок-курочка, а это петух (шрл.). Образовано от *әнә* (тат. литер. *ана* «мать») + афф. -ч. [Махмутова, 1978].

Индюк в шарлыкском говоре передается фонетическим вариантом литературного күркә – **кырка**, как и в лямбирском, чистопольском и других говорах. *Кыркаларың бакча ашалый чыкты* – Твои индюки прошли через мой огород (шрл.).

Понятие «курица» передается общетюркской лексемой **тавык/тауык**. В значении «курица-наседка» употребляется выражение **утырған тауык**, как и в татарском литературном языке.

В лексико-семантической системе татарских говоров Оренбуржья известны следующие диалектные названия диких животных:

Чекелдек в каргалинском говоре «один из видов суслика». Слово произошло на основе звукоподражания пению данного животного.

Йылан – родовое значение змеи – единственное в татарском языке. В сочетании с другими словами оно обозначает разновидность змей, например, в бугурусланском и каргалинском говорах **зәһәр жылан** (< *зәһәр* «яд, отравя») «гадюка обыкновенная» (тат. литер. кара йылан, зәһәр йылан). **Жиз башлы йылан** (< *жиз* «латунь, латунный цвет» + *баш* «голова») в каргалинском говоре – «медянка» или «серый уж» (тат. литер. бакыр йылан).

Дәвә в каргалинском говоре «верблюд», фонетический вариант литературного *дәя*. *Дәвә ите ашагыныгыз бармы?* – Ели верблюжье мясо? Ср. тюрк. *тәвәй* – «верблюд» [Щербак 1961: 109].

В каргалинском говоре **бағара** «ёрш» (тат. литер. шыртрака).

Сырка [от рус. сурок] в каргалинском говоре обозначает «сурок».

Луч [рус. лось] кргл., кмшл. поши (лось.).

В настоящее время на территории области зафиксировано более 280 видов птиц. Рассмотрим особенности названий некоторых из них.

Шүрәкэй кргл. (тат. литер. чүрәкэй) «дикая утка».

Турғай в бугурусланском и каргалинском говорах «воробей». В татарском литературном языке *турғай* – «жаворонок». Здесь наблюдается смена семантического значения. **Тумалак турғай** в каргалинском говоре «воробей коричневого цвета». В татарском литературном языке слово *тумалак* обозначает «толстое полено, округлый кряж».

Кызылтүш (букв. красногрудая) в каргалинском и бугурусланском говорах «снегирь» (тат. литер. карабүрек), как и в большинстве говоров как среднего (заказан., менз., кмшл., злт.), так и западного диалектов. В татарском литературном языке **кызылтүш** «зяблик».

В каргалинском, также и в соседнем камышлинском говорах в значении «удод» широко распространено наименование **пупуп**, восходящее к звукоподражанию крика птицы.

В каргалинском говоре татарского языка для обозначения конкретного вида семейства синицевых – длиннохвостой синицы, используется лексема **чүмечкүт** (букв. «половникоподобный хвост»). Ср. рус. чумичка – обл. длиннохвостая синичка [Даль].

Из оригинальных названий в татарских говорах Оренбуржья, особенно в каргалинском говоре, можно указать слово **бақашар** «серая цапля», которая бытует в каргалинском и камышлинском говорах. Данное составное слово, восходит к *бака* «лягушка» + *аша* «кушать»+ афф. *-р*), которое отражает способ существования птицы (серая цапля питается лягушками). Ср.: тат. литер. корташар («шур»), образованное по аналогичной модели.

Хәүле в каргалинском говоре «цапля» (тат. литер. челән).

Кук қошо в бугурусланском говоре «большая чёрная птица, крылья которой в размахе достигают до одного метра, беркут».

Оренбургская область расположена на стыке разных географических зон и зоогеографических регионов, поэтому видовой состав насекомых богат и разнообразен. Обратимся к названиям некоторых из них, бытующим в татарских говорах исследуемого региона.

Прамыш в шарлыкском говоре «мелкий овод», литературный вариант – кигәвен.

Сағавық в каргалинском говоре «личинка овода, паразитирующая на теле некоторых млекопитающих» (тат. литер. укра).

Үрмәкчә в каргалинском, бугурусланском и шарлыкском говорах «паук». (тат. литер. үрмәкүч). Название образовано от глагольной основы *ур* – «плести» + афф. *-мәк* с помощью непродуктивных аффиксов *-чә(-цә, -це, -сә)*. В каргалинском говоре **үрмәкчә**, в сергачском – **үрмәкцә** обозначают ещё и «паутину».

Как известно, в татарских говорах встречаются различные наименования, обозначающие божью коровку: в каргалинском **тәти кашык** (букв. «красивая ложка»); в пермском *қояш қорт*, в мензелинском *тәти әби*, в байкибашском *куземкуз*, в бирском говоре *қызыл тун* и др. В шарлыкском говоре, как и в большинстве говоров западного диалекта, употребляется литературный вариант **камка**.

Исследование лексики данной группы названий показала, что эта категория лексики неоднородна, хотя она в основном является общетюркской. Значительную часть составляют заимствования из других языков. Особую близость данная лексика татарских говоров Оренбуржья обнаруживает с казахским и башкирским языками, что объясняется географическим положением «соседей» – носителей данных языков. Но есть и названия, составляющие специфику рассматриваемых говоров и носящие узколокальный характер.

Исследование лексики, связанной с живой и неживой природой, обогащает существующее представление о способах словообразования, терминотворчества и номинации татарского языка определенного ареала, а выводы углубляют и расширяют знания об окружающей среде и её обитателях.

Четвертая глава

СЛОВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР

4.1. Слова, называющие предметы и явления быта

Наименования, употребляемые для обозначения бытовых предметов, также составляют древний пласт лексики. Изучение названий жилых и хозяйственных построек, предметов домашнего обихода и их научно-теоретическая интерпретация являются одной из важнейших проблем современного языкознания.

Состав наименований жилых и хозяйственных построек непосредственно связан с историей строительной, архитектурной культурой народа. В данной лексико-семантической группе также выделяются как исконно тюркские, так и заимствованные слова. Рассмотрим подробно некоторые диалектные лексемы.

Абзар/сарай в Оренбуржье выражает «теплое помещение для скота, сделанное из саманных кирпичей». *Малларга сарай короптора идек бит.* – Раньше строили для скота сарай. Слово **абзар** в указанном значении активно выступает и в других говорах. От данного слова образовано словосочетание **абзар алды** «открытый или закрытый загон для скота во дворе, карда».

Сарай в том же значении употребляется в заказанских, мензелинском говорах. В татарском литературном языке **сарай** «дворец», «лабаз», «хлев».

Ызба (< рус. изба) характерное для западного диалекта, наряду со словами тюркского происхождения (например, *йырт*), активно употребляется в новомусинском и баширском подговорах шарлыкского говора: *Улым үзенэ ызба салды.* – Сын построил себе дом

Кэртэ/киртэ в каргалинском, бугурусланском и шарлыкском говорах «закрытое холодное помещение для скота, сделанное из досок или забранное плетнем». *Менә шул ураманда йорт сайын кэртэ булган.* – Вот на этой улице в каждом дворе было помещение для скота.

Ишег алды/ишег алны – «сени» (тат. литер. өйалды) – *Ишег алнысын иң алдан йеткездек* – Сначала построили сени. Употреблением *ишег алды(сы)/ишег алны(сы)* в значении «сени» выделяют новомусинский и баширский подговory. На остальной территории Оренбуржья в значении «сени» употребляется литер. **өй алды**.

Йырт – «двор» (тат. литер. ишек алды, *йорт* в тат. литер. «дом, здание», «страна, владение»). Слово *йырт* в значении «двор», характерно для многих говоров западного диалекта, наблюдается почти во всех мишарских селах. В нас. пунктах среднего и западного диалектов в бассейне р. Бузулук **йырт** и **ишег алнысы** (ишег алды) в том же значении употребляются параллельно, что объясняется взаимовлиянием двух диалектов, представители которых совместно проживают в указанном регионе. В говоре татар остальной территории употребляется литературное соответствие этого слова – **ишек алды**.

Кэзэңкэ в каргалинском говоре «чулан в сенях», то есть как и в материнских заказанских, также и в смежных мензелинском, стерлитамакском, камышлинском и др. говорах. В дубязском говоре *кэзэңкэ* выступает в несколько ином значении: «пространство между печкой и стеной».

Ваздуш (рус. воздушный) 1. Саманный кирпич: *Мынавында ий алды бар ыйы ваздуштан салынган.* – Вот здесь были сени из саманного кирпича; 2. Хлев или кухня, построенная из саманных кирпичей. *Алиягә ий тиде, Газинурга ишегалды ваздуш тиде.* – Алие достался дом, а Газинуру – саманная кухня во дворе.

Мержэ/мөржэ, мич/пич – «печь, корпус печи». С помощью данных слов в татарских говорах Оренбуржья образованы следующие словосочетания: **мержэ агарту** – «белить печь», **мержэ чыгару** – «класть печь». **Пичкэ йагу** «топить печь», **пичкэ (мичкэ) салу** – «класть в печь»: *Менә шул мөржәне сүтеп чыгармакчыйық.* – Хотели переложить эту печь (бгрс.). *Сузык кенне утын йактык мичкә.* – В холодные дни топили печь дровами (шрл.).

Изоглосса словосочетаний **мержэ агарту**, **мичкэ йагу** объединяет говоры указанного региона с заказанскими, мензелинским, бирским говорами среднего диалекта.

В каргалинском говоре среднего диалекта в значении «потолок» употребляется словосочетание **түбә тактасы** (< *түбә* «вершина, макушка» + *тақта* «доска» + афф. -сы), характерное также для чистопольского, мелекесского, ичкинского и др. говоров. *Сэйгау жәйдерде, түбә тақтасын йаптырды.* – Полы настелил, потолок сделал. **Сэйгау жэйу** в каргалинском говоре «настилать пол». В шарлыкском говоре в данном значении выступает слово **путалак** [< рус. *потолок*].

В татарских говорах Оренбуржья в значении «оконная занавеска» бытует диалектное отглагольное образование **коргоч/кыргыч** в шарлыкском говоре и **пәрдә** [араб.] в каргалинском говоре. Лексема **түл** в бугурусланском говоре «тюлевая занавеска» от русского *тюль* «тонкая сетчатая ткань».

Рассмотрим также другие лексемы татарских говоров Оренбуржья, связанные с хозяйственной деятельностью носителей.

Битяулык в бугурусланском и каргалинском говорах, а также в камышлинском, ичкинском, тевризском говорах «полотенце». В шарлыкском говоре используются варианты **битяулык** (< *бит* «лицо» + *йаулык* «платок»), **битсебергеч** (< *бит* «лицо» + *себер* «тереть» + афф. -геч). А «маленькое полотенце, салфетка» в шарлыкском говоре именуется лексемой **чынайак себергече**. Необходимо отметить, что слово **яулык** активно выступает в составе бытовой лексики: **баш яулык**, **шәл яулык**, **кульяулык**, **ашьяулык** и др.

Вәләк [от рус. *валёк*.] в шарлыкском говоре «валёк для белья». Также данная лексема известна в хвалынском и кузнецком говорах западного диалекта. Ср.: **бал'ук** (срг.), **вәлүк** (кузн.), **вәләк** (кузн., хвл.), (< рус. *валек*), **каталка** (лмб.), **каталак** (срг.) (< рус. *каталка*) «валек для белья».

Бутыл [от рус. *ботало*] в каргалинском говоре обозначает «ботало, глухая погремушка из железа, привязываемая на шею пасущихся коров». В татарском литературном нет специального термина, использующегося в данном значении. А слово **ботало** или его варианты бытуют и в других говорах: **бутала** в пермском, мензелинском и других говорах.

Матик/матига (< рус. мотыга) (тат. литер. китмән). *Бәрәңге күмәдер ийегез, ике матикны алып китте.* – Когда вы окучивали картофель, она унесла две мотыги. Ср.: чст. **матик**, хвл. **матыйк** – в том же значении.

В хозяйственной деятельности носителей татарских говоров Оренбуржья имеются также узколокальные названия, связанные с уборкой хлебов, сенокосом, которые в других говорах встречаются редко. Рассмотрим некоторые из них.

Лабыр в каргалинском говоре «ворох сена, который можно поднять вилами в один приём» (тат. литер. күбә). **Қырла** в бугурусланском говоре «копна из 13–15 снопов»: *Бодай, арыш көлтәсенән қырлага қуйабыз.* – Снопы пшеницы и ржи кладем в копны из 13–15 снопов. Аналогичное значение встречается и в смежном мензелинском говоре. **Бишәрләү** в шарлыкском говоре «способ сложения кирпичей из кизяка для сушки». В шарлыкском говоре известно слово **христыч** [рус. крестец] «один из способов сушки снопов; крестец». Так же и в кузнецком, темниковском, лямбирском говорах. В бугурусланском говоре же используется термин **қорлач** «копна из снопов». *Қорлачқа да қуйдық көлтәләрне, зуратқа да.* – Снопы сложили и в копны, и в стога. **Зурат** – «сложенное в виде трапеции саманные кирпичи или кирпичи из кизяка»: *Ирләр кирпичләрне зуратка ийәләр.* – Мужчины кирпичи складывают в пирамиду.

В каргалинском говоре «телега с глубоким дном для перевозки сена» называется **мүгәлдәк**: *Мүгәлдәк белән төйәп қайта идек печәнне.* – Сено бывало грузили в телегу с глубоким дном и везли домой. В каргалинском и бугурусланском говорах среднего диалекта используется вариант **мөгәлдәк**: «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров и т.д.». **Фурман** [рус. фура] в каргалинском и бугурусланском говорах «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров и т.д.»

Понятие «посуда» в татарском литературном языке и его говорах выражается словами **сауыт-саба, сауыт**.

Ашлау в каргалинском говоре обозначает «ночву, лоток для муки». Данное слово известно еще в ичкинском говоре в значении «корыто», мензелинском, тепекеевском, стерлитамакском говорах – «большая деревянная чаша» [Рамазанова 1987: 82].

В каргалинском говоре **тәпән** обозначает «квашню», шарлыкском и мензелинском говорах «бак для воды», а в мелекесском, хвалынском, чистопольском говорах – «кадушку». В говорах семантика этого слова несколько шире чем в татарском литературном языке, где оно означает «небольшую кадку, изготовленную из полового ствола дерева»; а в сочетании **бал тәпәне** – «кадушку для меда».

К кухонному инвентарю относится и чаша. Для выражения этого понятия в говорах употребляются различные слова и словосочетания. **Чүгәтә** в каргалинском и бугурусланском говорах «маленькая деревянная чашка»: *Сез бит әкрән ашыйсыз, мин ике чүгәтәне бәрәп йықтым.* – Вы ведь медленно кушаете, я уже две чашки осушила. **Тустақай** в каргалинском говоре бытует в нескольких значениях: 1) «чашка чайная»: *Тустақай тағып йери сет сырап* – Ходит с чашкой, просит молока; 2) «маленькая деревянная чашка, миска».

Алпама табағы в каргалинском говоре «большая деревянная чаша», корень которого *алт* – от татарского *алыт* «великан, исполин, богатырь».

Понятие «кочерга» в говорах передается несколькими синонимическими единицами. Для татарских говоров Оренбуржья, а также для говоров Заказанья, и нагорных говоров характерно употребление литературного слова **кисәү/кисәү ағачы** < *кисәү* «головешка» + *ағачы* «дерево ее» [ТРС, 1931; 1966], а в шарлыкском, мензелинском отмечен его фонетический вариант **кисағач, қычауғач**.

Пикеш [рус. пекиш]. в шарлыкском говоре употребляется в значении «чугунный горшок». Эта лексема в ряде говоров западного диалекта имеет дополнительный семантический оттенок: в кузнецком – «маленький горшочек», в темниковском – «горшок». В лямбирском говоре отмечена лексема *чуйын пикеш* «маленький чугунок».

В бугурусланском говоре, как и в стерлитамакском говоре, употребляется слово **чөңкә** «глиняная миска». Возможно, оно образовано от звукоподражательной основы *чөң-* с помощью суффикса *-кә* [Казиханова 2011: 158].

Интерсно, что слово *пекешка* известно в рязанских, тамбовских говорах русского языка [Хайрутдинова, 2000: 38]. Семантическая устойчивость характерна для диалектизмов.

К этим названиям очень близки единицы с семей «круглый высокий сосуд с горлышком и ручкой» **кукшин** в шарлыкском говоре,

а также в других говорах западного диалекта, например: **кершн**, **кыршин** (стрл., лмб.), **кышын** (лмб.) (< рус. *кувшин*).

Куваши́н'а [рус. *квашня*] в шарлыкском говоре «деревянная кадка, кадушка для теста», так же в дрожжановском, чистопольском говорах. Необходимо отметить, что в западном диалекте слово **куваши́н'а** приобрело несколько иную семантическую функцию: «готовое тесто из ржаной муки». *Иртәгә иләгә куваши́н'а эзер инде, иртән йабарга гына.* – Тесто к завтрашнему обеду готово, надо только утром испечь.

В шарлыкском, также в стерлитамакском говорах западного диалекта, также и в заказанских говорах известно слово **мис**, в бугурусланском и мензелинском говорах его вариант **мичкә** (< рус. *миска*) «кастрюля».

В бугурусланском говоре в значении «половник» используется литературное **аш чүмече**. В каргалинском говоре в данном значении выступает слово **бакрач**, встречающееся также и в мензелинском, мамадышском и других говорах. *Җашық булмаса, бакрач куйасың.* – Если нет ложки, ставишь половник.

В значении «половник» в бугурусланском и шарлыкском говорах употребляется лексема **ужау**. В других говорах бытуют варианты – **ыжау/ужау** (злт.), **ызау** (ичк.). Ср.: башк. *ижау* «ковшик», башк. диал. *аш ижауы* «ложка», казах. *ожау* «деревянный ковшик», узб. *ожав* «деревянный половник».

Значением «половник» в шарлыкском говоре идентифицирует слово **палауник**, встречающееся и в некоторых населенных пунктах распространения каргалинского и бугурусланского говоров.

Анализ хозяйственной лексики татарских говоров Оренбуржья, позволяет говорить о том, что переселенческие говоры исследуемого ареала сохранили в себе основной пласт лексем материнских говоров. Некоторые диалектные лексемы данной тематической группы имеют локальный характер (*лай өй* «дом из самана», *сэйгау жээйу* «настилать пол», *жээмкә* «щипцы для углей», *айалау* «расчёсывать козий пух специальным гребнем», *лабыр* в каргалинском говоре «ворох сена, который можно поднять вилами в один приём», *мөгәлдәк* «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров и т.д.», *чөңкә* «глиняная миска»).

4.2. Названия одежды, обуви и головных уборов

Некоторые названия одежды и украшений по западному диалекту и касимовскому говору исследованы в трудах Л.Т. Махмутовой (1962; 1976; 1979; 1982; 1985), сведения по отдельным группам названий одежды содержатся в работах Г.К. Якуповой (1961), Р.Р. Шамгуновой (1962), Н.Б. Бургановой (1962; 1976), Л.Ш. Арсланова (1965; 1966; 1976; 1988; 1995), Д.Б. Рамазановой (1970; 1976; 1978; 1984; 1987; 1988; 1993; 1995; 1999; 2000; 2001), Ф.С. Баязитовой (1986; 1988; 1992; 1995), З.Р. Садыковой (1971; 1982; 1985), Ф.Ю. Юсупова (1979) Т.Х. Хайрутдиновой (1985; 1992; 1994; 2000); некоторые наблюдения по этимологии отдельных названий одежды и украшений имеются в трудах С.А. Бурнашевой (1962), Р.Г. Ахметьянова (1981; 1989; 1991) и др. Значительная лексика, связанная с производством одежды и украшений, рассматривается в монографии (1983) и статьях (1980; 1988) Р.К. Рахимовой. Наиболее полно материал по лексике данной тематической группы отражен в работе Д.Б. Рамазановой – «Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте» (2002), где впервые исследуются названия одежды и украшений татарского языка и его говоров как целостная система, с привлечением сравнительных данных из родственных и неродственных языков.

В татарских говорах Оренбуржья бытуют следующие словосочетания, выражающие виды, назначение одежды и т.п.

В каргалинском и бугурусланском говорах, как и в литературном языке, различаются **тышқы** (досл. наружная) **кийем** – «верхняя одежда»; **қышқы кийем** – «зимняя одежда», **эчке кийем** – «нижнее белье» и др.

Камзул – преимущественно женская, также и мужская верхняя одежда, с короткими до локтя рукавами или без рукавов, украшенная позументом, с открытой грудью, сильно приталенная. Камзол со временем менялся по форме. Как полагают ученые, для татар сначала были характерны камзолы с короткими рукавами, потом стали превалировать камзолы-безрукавки [Рамазанова 2002: 27]. Данное слово выступает с заднеязычным началом, т.е. увулярным к. Отмечены следующие его варианты **камзул** в шарлыкском говоре, и также в кряшенских говорах, **камзул/камдул** в бугурусланском говоре, а также в материнском мамадышском говоре, и в смежном мензелинском

говорах, т. к. уже неоднократно писали о том, что в заселении территории Оренбуржья (З.Р. Садыкова, И.А. Гафаров) и юго-западных районов современной Башкирии активно участвовали выходцы из Арской дороги Казанской губернии [Рамазанова 1984: 15].

Хөрти [фарс.] в бугурусланском говоре «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек». *Кызыма хөртигә дигән плүш бар эле.* – Есть ещё плюш для камзола моей дочери. **Хертә, херти** [перс.] в шарлыкском говоре «стеганая безрукавка». *Хертиңне дә кидем.* – Одеда и твою безрукавку. Эти слова являются фонетическим вариантом литературного **көртә**.

Толоп «тулуп» в бугурусланском и каргалинском говорах, также и в большинстве татарских говоров **тылып** в шарлыкском говоре, неогубленный вариант характерен и для других говоров западного диалекта. В бугурусланском говоре и в говорах Приуралья наблюдается несколько иная модель образования термина, передающего данное понятие: **тулуп тун** (бгрс., перм.), **оло тун** (нгб.), **толоп тун** (тара), **олло тун, тыш тун** (сиб. диал.).

Для передачи понятия «варежки, рукавицы» в татарских говорах употребляются различные слова: *бийәләй, иләсә, кул кабы, варага, ыркача, йаргак, эчмәк* и др. Самым активно употребляемым в татарских говорах Оренбуржья является слово **бияләй** (тат. литер.), имеющее в говорах различные варианты по линиям начального согласного, конечного дифтонга, также и гласного первого слога: **бийәли** в каргалинском говоре и в говоре нагорных кряшен, **бәләй/пеләгәй** в шарлыкском говоре и в говоре подберезинских кряшен.

Гәүдә – «верхняя часть платья» (кргл., менз., кмшл., чст., стрл.). Отсюда: **гәүдәле алжапкыч** (кргл., менз.), **гәүдәле алжапкыч** (стрл.) – «передник с отрезной талией». В данном случае, как и во многих других названиях одежды, слово восходит к названию органов, частей тела. Такое значение слова *гәүдә* в других тюркских языках не зафиксировано. Оно отмечено в словаре В.В. Радлова также лишь по татарскому языку. *Гәүдә* – «верхняя часть платья» является вторичным по отношению к *гәүдә* – «туловище, стан» и т.д., широко распространенному в тюркских языках [ЭСТЯ, 1980: 52; Рамазанова 2013: 83].

Нижняя часть платья, т.е. подол, обозначается в татарском языке (как в литературном, так и в говорах) словом **итәк**. В тех гово-

рах, где слово *итэк* употребляется и в значении «оборка, волан на подоле», для передачи понятия «подол платья» употребляются описательные выражения с определениями: **бэбэй** (шарлыкский говор) **итэк** – «оборка, волан», **оло** (у заинских крышен), **дәү** (заказ.-крш.) **итэк** – «большой» и др.

Понятие «передник» передается в татарском литературном языке сложным словом **альяпкыч**, где *ал* – перед, *йапкыч* – то, чем покрывают или то, которое покрывает. Этот же термин распространен и в большинстве татарских говоров: в исследуемых говорах данный термин встречается в различных фонетических вариантах: **алжапкыч** в каргалинском и бугурусланском говорах; **алияпкыч** в шарлыкском говоре.

Названия головных уборов. Обобщающее понятие «головной убор» передается словосочетанием **баш киеме**.

Бүрек – один из широко и повсеместно распространенных головных уборов. Во всех говорах татарского языка понятие «шапка» передается этим словом. В фонетическом плане нужно отметить варианты: **бүрек** в бугурусланском и каргалинском говорах среднего диалекта, **бүрк/бүрке** в шарлыкском говоре.

Женская шапка с бархатным верхом и с широкой каймой из роскошного меха в татарских говорах называлась и другим термином – **кондоз бүрек**. Он особенно широко распространен в заказанских говорах среднего диалекта, и в его дочерних говорах Оренбуржья: *Қондоз бүреклар кийеп су китералар ийе киленнар* – Молодые невестки, бывало, ходили за водой в бобровых шапках.

Значение «шапка-ушанка» передается в шарлыкском говоре Оренбуржья словом **малахай**. Ср.: **малахай** (нрл.), **малакай** (подб., м.-кар.), **томақ** (сиб. д.). Имеется и в русском языке: *малахай* – шапка-ушанка, т.е. по значению близок к тат., чув., монг. Считается монгольским заимствованием [Егоров 1964:134].

Понятие «тюбетейка» в говорах Оренбуржья передается также различными словами. Наиболее распространенным словом в говорах является **түбэтэй**, употребляется в бугурусланском говоре, а также в заказанских, нагорных, приуральских говорах. Отмечены следующие варианты его: **тэбэкэй** в каргалинском и шарлыкском говорах, а также в мензелинском говоре, **түбэкэй** в бугурусланском говоре.

Тэлпэк в бугурусланском говоре, также и в мелекесском, чистопольском, мамадышском говорах, **кэлпэк** в шарлыкском, тарханском, камско-устыинском говорах – «тюбетейка».

Кроме того, **кэлпэк** в каргалинском говоре выступает и в значении «войлочная шапка», в нагорных говорах наблюдается смысловой перенос: **кэлпэк, тэлпэк** «заглушка самовара».

Шэл. В татарском языке для передачи значения «женский верхний платок» употребляется слово **шэл** (тат. литер. и средн. диал.), в говорах западного диалекта **шал'/шэл**, нукр. **шал'**. *Шал' белэ чорнолоп печин чабасы, камзул кийеп* – Надев камзол, укутавшись шалью, нужно косить сено.

В татарских говорах Оренбуржья выявляется большое количество словосочетаний, выделяющих шали по материалу, по назначению и т.п.

Мамык шэл (средн. диал.), **мамык шэл** (говоры западного диалекта, сформировавшиеся под влиянием среднего диалекта, смешанные говоры), **Шал/шэл/вэл** – «платок из козьего пуха». Фонетический вариант **шал** характерен для урало-сакмарского подговора каргалинского говора. В остальных нас. пунктах Оренбуржья употребляются **шэл/вэл**, из них **вэл** (< рус. вуаль) «вязаный платок» встречается реже, в основном в речи старшего поколения бугурусланского говора; *Вэл беркэндерең килең булган кешене утырталар мөйөшкә мөндәргә!* – Накрыв платком, невестку сажает в угол на подушку.

Плотные шерстяные шали назывались **калын шэл** (бгрс., чст., алтат. и др.), **қалын шэл** (кргл., заказан., нагорн., приур.), где *калын* – «толстый», **тула шэл** (чст., байк., и др.), где *тула* – «шерстяное сукно домашнего производства»: *Башкода белән сүлиләр, ниңә кабат күлмәк бирәләр кызга* (егетнең) *әтәләре-инәләре, эшәлен сала, тула шәлен.* – Договариваются со сватом, родители жениха дают невестке несколько платьев, платок, дают толстую шаль.

Вигун/бигун (< рус. вигоневый) «платок (серый) машинной вязки из низкого сорта пуха»: *Йахшы шалны әйбәт дөбөттән бәйләләр, мынсы вигун.* – Хорошую шаль вяжут из хорошего пуха, а эта – вигоневая (кргл.).

Путинка/путинкә/паутинка/нечкә шал/нэзек шал/ак шал – «белый ажурный пуховый платок»: *Путинка бәйләләр ай-*

лар салып – Вяжут паутинки с крупными как луна узорами. *Безнең элек пух әртилдә нәзек шәл бәйләделәр* – Раньше у нас в артели, где обрабатывали пух, вязали тонкие (ажурные) платки. **Өчпочмак** – «косынка обычной платочной вязки из серого пуха».

Слова, обозначающие детали или части шали. **Чит** (кргл., бгрс.), **кайма** (зап. д.) «закраина, кромка пуховой шали». Отсюда: **пинзә кайма** (баст.) – «ажурно отделанная кромка основной части шали до пришивания к ней кромки: *Қайма белән шәл уртасы арасына ак чәчәкләр эшилләр иде кр'учок белән, пинзә қайма диләр иде, матур була.* – Края середины шали отделявали крючком с белыми нитями в виде цветочков, называли *пинзә қайма*, очень красиво (мам.).

Урта (досл. середина) – основная часть шали, к которой с четырех сторон пришиваются кромки (распространено во многих говорах).

К группе *названия украшений* относятся слова следующие наименования.

Дәвәт «перевязь» в шарлыкском и бугурусланском говорах, также в мензелинском, бирском, камышлинском, стерлитамакском, нижнекамско- и чистопольско-кряшенских говорах. В бугурусланском говоре используется вариант **дәвад**, **дәғвәт** и в камышлинском **дәүғәт**/**дәғәт**. В такой же семантической функции это слово отмечено в говорах башкирского (**дәвәт**), чувашского (**тевет**), казахского (**деңмент**/**дегмент**) языков [Миржанова 1979: 159; Нурмагамбетов 1985: 27].

Чәчтәңкә в каргалинском говоре, в материнском мамадышском, также и в лайшском, нурлатском говорах «накосное украшение: полоска ткани, накладываемая на косы и на которую в два ряда нашиты монеты» (тат. литер. *чәчкап*). В шарлыкском говоре в этом значении отмечен литературный вариант **тезмә**, данное украшение прикреплялось у основания кос.

Муйынса в бугурусланском, также в мамадышском, мензелинском, златоустовском, пермском, **муйынча**/**мыйынча** в шарлыкском, каргалинском, также и в мензелинском говорах употребляются для обозначения «монисто – украшение, сделанное из монет и плотно надевавшееся на шею».

Одним из активно используемых предметов при изготовлении украшений являлись различные монеты: **тәңкә** – монета, рубль,

чешуя, кружок в татарском литературном языке. **Өрфийә** в каргалинском, бугурусланском, также в смежных мензелинском, стерлитамакском говорах «монета, мелкая бляха, вырезанная из тонкой жести».

Обобщающее понятие «обувь» передается в татарских говорах Оренбуржья, как и в литературном языке, выражением **аяк киеме** (досл. ножная одежда или одежда для ног). Так же и в подавляющем большинстве говоров татарского языка. Наряду с этим, в говорах наблюдается и узколокальный синоним его: **айақ савыты** (< аяк «ноги» + *савыт* «посуда или чаша» в бугурусланском и каргалинском говорах, также и в других говорах среднего диалекта (лш., н.кам.-крш., менз., бирск., елаб.), **айак савыты** (шрл., лмб., стрл., байк.).

Күтәрмәле/күтәртмәле чабата в каргалинском, бугурусланском, шарлыкском говорах «лапти, к которым прикреплены деревянные дощечки», от гл. *күтәрү* – «поднимать», *күтәртү* – «поднять, заставить поднять».

Деревянные подставки были разные, либо сплошные **тоташ күтәр(т)мә** либо кубиками **шакмак** и т.п.: *Йаз башында, миңа күтәртмәле чабата йасап пирәдер ийе эти* – Весной отец мне сплетал лапти с подставками (бгрс.). Поэтому в говорах распространено выражение **шакмаклы чабата**, например, в каргалинском, заказанских, мензелинском говорах и др.

В татарских говорах Оренбуржья для обозначения «валенки» используются следующие лексемы *пима/пайпақ/кизитек/кийез итек/кистек*.

Для говоров северной части области (бугурусланского и шарлыкского) характерно литературное **кийез итек/кизитек/кистек**.

На территории Оренбуржья широкое распространение имеет слово **пима**, изоглосса которого проходит от бассейнов Урала и Сакмары до верховья Демы: *Тегүчеләр килә торган ыйы, пима басучылар килә торган ыйы*. – Бывало, приезжали портные, пимокаты приезжали.

Слово **пайпақ** наблюдается в некоторых нас. пунктах в бассейне р. Бузулук: *Үземә пайпақ бастырыб алдым*. – Скатала себе (по заказу) валенки.

В значении «оборки для лаптей» в оренбургских говорах употребляется слово **кәркеш**, мордовское заимствование, характерное для говоров западного диалекта, сохранилось в новомусинском подго-

воре шарлыкского говора. На остальной территории употребляется литературное **киндерэ**, а в деревнях по р. Кинделя **чабата бавы**.

Хэшэп [хьэшэп, араб.] бытует в каргалинском, бугурусланском говорах, также в смежном мензелинском, камышлинском говорах: 1) «башмак на деревянной подошве с верхом, плетённым из лыка или холщовой нити». *Чабата, ойоқ, хэшэп кебек айберларне кристийаннар үз куллары белән житештергәннәр.* – Такими вещами, как лапти, чулки, башмаки крестьяне обеспечивали себя сами (бгрс.); 2) «старая, плохая обувь».

Эбәнэй в каргалинском говоре «тапочки, связанные из шерстяной нитки».

Чапчур/чэпчүр/чэкчүр в татарских говорах Оренбуржья имеет значение: 1) «чувяки, сшитые из кожи домашней обработки»: *Эре малның тиресеннән чапчур тегэләр, кырыйына тишеклар тишеп, нәзек кенә кайыш бау үткәрэләр.* – Из шкуры крупного скота шьют чувяки, сделав по краям дырочки, проводят тоненькую веревку из шкуры; 2) «тапочки, вязаные из шерсти или козьего пуха»: *Йонно йерлибез дә чэкчүр бэйлибез.* – Прядем шерсть и вяжем тапочки.

Анализ лексико-семантической системы, связанной с одеждой и украшениями, в ареальном аспекте, показал, что основной состав названий одежды и украшений является общим с татарским литературным языком и с другими говорами татарского языка. Это особенно четко выражено в лексемах, представляющих собой родовые понятия: *кийем* «одежда», *кулмәк* «платье», *итек* «сапоги», *итәк* «подол», *шал* «шаль», *дәвәт* «перевязь», *яулык* «платок» и др. Естественно, при этом необходимо учесть их вариантность в фонетическом плане, соответствующую особенностям диалектов и говоров (*бүрек* – *бурке*, *хәрти* – *көртә*, *түбәтәй* – *тәбәкәй*).

Необходимо обратить особое внимание на узколокальные слова. **Эбәнэй** в каргалинском говоре «тапочки, связанные из шерстяной нитки», **хәрти** в бугурусланском говоре «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек» и др.

4.3. Названия пищи и напитков

Как известно, пища является одним из древнейших элементов материальной культуры народа. И терминология, связанная с ним, также возникла в глубокой древности. Поэтому система

наименований пищи представляет большой интерес не только как историко-этнографический источник, но и как лингвистический.

В татарском языкознании уделяется значительное внимание изучению названий, связанных с пищей. Данная отрасль лексического богатства татарского языка и его диалектов включена в диалектологические, переводные, толковые словари. Разработки по этой тематике отражены в монографических трудах обобщающего характера, в которых исследовались лексико-тематические группы диалектной лексики татарского языка: Ф.С. Баязитова [1982; 1986; 1992; 1993 и др.], Л.Т. Махмутова [1979; 1982], Д.Б. Рамазанова [1976; 1978; 1984; 1991; 2001; 2010 и др.], З.Р. Садыкова [1982; 1985; 1994; 2003], Т.Х. Хайрутдинова [1992; 1993; 1998; 2000; 2001], Р.С. Барсукова [2000; 2004 и др.] и др. Значительный материал нашел отражение в 2х томном обобщающем труде «Татар халык сөйләшләре» [2008], в «Атласе татарских народных говоров» [1989; 2013(электронная версия), 2015].

Татарские названия пищи как лексико-семантическая система в наиболее полном варианте исследованы в монографическом труде Т.Х. Хайрутдиновой [1993], где они рассматривались в фонетико-грамматическом, лексико-семантическом, синхронно-диахроническом планах, в сопоставлении с лексикой татарского литературного языка. Перед нами же стоит задача изучения лексико-семантической системы определенного ареала татарского диалектного языка – Оренбуржья, в сложении которого сыграли решающую роль несколько иные условия: заселение Оренбуржья поволжскими татарами в XVII–XIX веках, в котором участвовали представители разных диалектов и говоров татарского языка.

Обобщенное понятие «пища, пропитание» передается литературными словами **зык**, **ашамлык**, также и собственно диалектным названием: **тамак** «еда, продукты», особенно активно выступающим в каргалинском говоре. Такая же функция данного слова известна и в астраханском говоре среднего диалекта.

Интерес представляет слово **ашамак** «еда, продукты» в шарлыкском говоре, имеющее место и в других говорах западного диалекта, т.е. носители – переселенцы шарлыкского говора сохранили свое слово и в новых условиях.

Группу лексем с ядерным значением «хлеб» в говорах образуют **икмэк, күмэч, ипи**. Слово **икмэк** восходит к *ик-* «сеять» + *-мэк*. В говорах наблюдаются также и его фонетические варианты **упмэк/упмэк, итмэк, утми**.

Шарлыкский говор западного диалекта сохранил основной пласт слов, характерных для материнских говоров западного диалекта. К примеру, общее название «мучных изделий» в шарлыкском говоре именуется специфичной лексемой **йабым**. З.Р. Садыкова отмечает, что **йабым** восходит к слову *йабу* «делать, печь, стряпать – о хлебе и пирогах» [Садыкова 1983: 121].

Выделяется семантическая группа лексем со значением «лепешка». В татарском литературном языке и его говорах «лепешка из кислого теста» обозначается словом **көлчэ**. В бугурусланском и каргалинском говорах отмечен нелабиализованный вариант данного слова: **келчэ**, которое также характерно и для чистопольского, камышлинского, мензелинского, бирского, златоустовского говоров в фонетических вариантах *келчэ/көлэчэ/көлэсэ*. Наименование лепешки отображает способ её приготовления (скорее всего *көлэчэ* готовили в золе) и образовано от *көл* «зола» + *-чэ*. В говоре нагорных крышен слово *келчэ* обозначает «гостинец», т.е. ритуальное кушанье.

В шарлыкском и в смежном стерлитамакском говорах бытует слово **питырас/питырач** в значении «маленькие лепешки из пресного теста»: *Әби беләнпитырач салдык*. – Приготовили лепешки с бабушкой. **Питырач/питырас** от *питыр* – араб. *фитыр* «пожертвование в честь праздника ураза байрам» [Баязитова, 2007: 181]. Этот вид лепешек в исследуемых говорах готовился на поминки. Представители каргалинского и шарлыкского говоров из хлебного теста пекли маленькие лепешки или булочки, которые называются **чүрэк** (кргл.) «булочка или мелкие хлебцы, из хлебного теста»; (шрл.) «сдобная булочка, лепешка»: *Кичэ чүрэк пешергән идем, алып чыгыйм эле*. – Вчера лепешки испекла, пойду принесу их. В данном случае также следует отметить наличие в исследуемых говорах преемственности от материнских говоров. Интересно, что слово **чүрэк** в мамадышском говоре бытует в значении «лепешка в продолговатой форме из пресного теста, замешанная на яйце». В каргалинском, шарлыкском, мензелинском говорах **чүрэк** имеет этнографический оттенок и обозначает ещё «гостинец,

принесенный стороной жениха», в бугурусланском и стерлитамакском, мамадышском говорах **чүрәк** «лепешки, которые пекут в дорожку, перед длительной поездкой». Ср.: казах. *шүрәк*, башк. *сүрәк*, азерб. *чөрөк*, киргизский *чурек*, и др. в тех же значениях.

Названиями сладких мучных изделий к чаю являются **кыйгыча** в каргалинском, также и в астраханском говорах: «национальное мучное изделие: ромбовидный хворост». В говорах западного диалекта в этом значении распространены следующие варианты – **кыйыкча / кыйгача / кыйкча**, образованные от прилагательного *кыйык* «кривой» + афф. *-ча*.

В каргалинском говоре **шеш** «фигуры, сделанные из теста на свадебном пироге, обозначающие завершение свадебного пиршества», **роза** в бугурусланском и стерлитамакском «кушанье в форме цветка из высококачественного теста, изготовленное путем жарения в масле» [Рамазанова 1987: 76], **пашкит** [рус. паштет] в каргалинском говоре «национальное мучное изделие с начинкой из ягод или повидла».

Общее понятие «сладости» передается словом **тәм** (досл. «вкус») в бугурусланском, также и в смежных стерлитамакском, мензелинском говорах.

В говорах Оренбуржья и соседних приграничных говорах употребляются названия **уралма/уратма** (бугурусланский, мензелинский) «рулет-слойка с начинкой из конопляных семян, варенья или песка» (< *урат* «заворачивать, завертывать» + афф. *-ма*); **катлама** (тмн., срг.) «кушанье из тонко раскатанного хлебного теста в несколько слоев, жаренное в масле» (*кат* «слой» < *катла* «складывать слоями» + афф. *-ма*).

Названия супов, вторых блюд и других кушаний. Лексема **аш** бытует повсеместно во всех тюркских языках.

Пәйеж в шарлыкском говоре «накипь, образующаяся на мясном бульоне», **чыр** в бугурусланском, лямбирском, хвалынском, мелекесском говорах «навар». Это слово употребляется и в карач.-балк. *чыр* «жир». По мнению Р.Г. Ахметьянова, оно восходит к др.-тюрк. *чыргуй* «бедный» [Ахметьянов 2001: 245].

Ләкшә в шарлыкском и бугурусланском говорах обозначает «лапшу домашнего приготовления»: Слово **лакша** в том же значении отмечено и в других говорах среднего диалекта.

Рассмотрим некоторые дериваты лексем и локальные названия молочных изделий.

Семантическую группу «творог» составляют лексемы **мешке** в шарлыкском говоре (ср.: так же в говоре мордвы-каратаев) «творог», **туварук** в шарлыкском говоре, также и в других говорах западного диалекта «курт, красный творог». Этимологически *туварук* восходит к русскому *творог*. Как видно, оно претерпело определенные изменения в фонетическом аспекте [Ахметьяов 2001: 243]. В каргалинском говоре «особо приготовленный красный творог» называют **эркет**.

Ар'ан/эрэн в значении «*напиток*, приготовленный из катыка с добавлением воды» употребляется в шарлыкском и других говорах западного диалекта. **Ар'ан/эрэн** являются фонетическими вариантами литературного **эйрэн**. В каргалинском и бугурусланском говорах, как и в татарском литературном языке и в других говорах среднего диалекта, зафиксированы также дериват: **май эйрэне** «сыворотка, оставшаяся после того как сбили масло».

Ещё одним напитком, имеющим наибольшую популярность среди представителей татар Оренбуржья, является чай. Употребляли **такта чэй** «плиточный чай», **бөртек чэй** «байховый чай». В шарлыкском говоре, также и в хвалынском говоре отмечен ещё один дериват данного слова, имеющий этнографическую подоплеку: **бэбэй чэе** «обычай, при котором, в честь рождения ребенка в семье, приглашают гостей на чай».

Приведенные материалы показывают, что в своем распространении определенные лексемы территориально ограничены. Заимствования вошли в ареал распространения татарских говоров Оренбуржья в результате общения их носителей с местным русским населением.

В составе диалектной лексики материальной культуры татарских говоров Оренбуржья обнаруживается ряд специфических особенностей. Например, лексические соответствия между каргалинским, бугурусланским говорами среднего диалекта и шарлыкским говором западного): *өй/ү/ий/йорт* – *ызба* «дом», *бийәли* – *балэй/палагэй/варик* «варежки», *хәситә* – *хастә* «перевязь», *қыйгыча* – *кыйыкча* «лепешки», *туварук* – *мешке* «творог» и др.

Пятая глава

СЛОВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР

5.1. Названия кровных родственников и родственников по браку

Наименования основных культурно значимых реалий – термины родства и обрядовую, мифологическую лексику – принято рассматривать обобщенно, как лексику духовной культуры. Она включает в себя названия обрядов, верований, элементов традиционной культуры, возникших в древности и продолжающих развиваться в течение тысячелетней истории народа.

Одну из интересных групп лексики в этом плане составляют термины родства, представляющие собой весьма древний и один из самых важных этнографических и лингвистических источников.

Татарская терминология родства нашла отражение в трудах С.Н. Бурнашевой [1962], Р.Г. Мухамедовой [1979]. Наиболее полная система терминов родства татарского языка исследована в работах Д.Б. Рамазановой «Термины родства и свойства в татарском языке» [1991] и «Атамаларда гаилә һәм туганлык мөнәсәбәтләре» [«Родственные и семейные отношения в названиях», 2014], где термины исследуются в синхронном и диахронном планах, анализируется большой фактический материал. Некоторые сведения о родственной терминологии того или иного говора отражены также и в работах Л.Ш. Арсланова, Р.С. Барсуковой, Ф.С. Баязитовой, А.Х. Насибуллиной, З.Р. Садыковой, Т.Х. Хайрутдиновой, Ф.Ю. Юсупова и др.

В науке принято группировать термины родства на 2 большие категории, отражающие два вида родства: термины родства по крови и термины родства по браку.

Из них термины родства по крови составляют древнейший пласт лексики. Основные номинативные термины (*ана, ата, эби* < др.-тюрк. *аба, апа, ага* < др.-тюрк. *апа, эне, ул* и т.п.) зафиксированы еще в прототюркских письменных памятниках (в языке шумеров, этрусков, хеттов и др.). [Рамзанова, 1991: 160–162].

Термины же родства по браку сложились позднее, на основе терминов кровного родства, специальных терминов и различных других слов, заимствований и др. Система терминов родства татарских говоров Оренбургской области до сих пор не являлась предметом специального, системного исследования.

Общее понятие «родства» передается следующими лексемами: **тума-тувышқан** в каргалинском говоре «родня, род, родословие, происхождение» (тат. литер. нәсел-нәсәп): *Халық тума-тувышқан-нарына жиберә шалне.* – Люди отправляют шали своим родственникам; **хәрәндәш** в шарлыкском говоре, также и в дрожжановском, чистопольском, мелекесском, **харындаш** в сергачском говоре «род, племя». *Мының кийәве тегенең хәрәндәше булган.* – Его зять оказался их родственником (шрл.); **теп** в шарлыкском, также мелекесском, чистопольском говорах «род». *Шылай таралганнар бер тептән.* – Так и распространились все из одного рода (шрл.).

Термины кровного родства: инэй/инэкэй/инэки/әнэй/эни; қартинә/қартнә/қәртнә; зур инә; онна/өннә; нәнә/нәнэй; ата/әтәй; қартәтәй; дәү әти; баба/бабай; абый/аба; абый; ага/ақай; дәдәй; апайым; апа; т'ут'ыш; түтеш; түтәй; абыстай и др.

Ниже рассмотрим более подробно некоторые диалектные термины *родства по крови* в татарских говорах Оренбуржья.

Понятие «мать» передается словами **эни/әнэй/инэкэй/инэй/инэки**. Варианты **инэй/инэки** наблюдаются на территории распространения бугурусланского говора среднего диалекта и искомого подговора шарлыкского говора: *Безнең инэкэй йырлы торғаны.* – Наша мать раньше, бывало, пела (бгрс.). *Ашһаулык кайа, инэки.* – Мама, где скатерть (шрл.).

Вариант **әнэй** выделяет небольшую юго-западную часть (басейны рек Илека и Киндели) Оренбуржья (бузулукский подговор):

Әнәй тифтан үлгән, әтәй – сугышта. – Мать умерла от тифа, отец – на войне. *Әнәйем җидене туган.* – Мать родила семерых.

Термин **қартинә/қартнә/қәртнә** передает понятие «бабушка, мать отца или матери». Эти варианты широко распространены в каргалинском, смежном мензелинском, бирском, пермском, златоустовском, тепекеевском, ичкинском, красноуфимском говорах.

Параллельно со словом *қарт* «старая» для образования терминов, выражающих поколения старших родственников, употребляется и атрибутив **зур**.

Зур инә в каргалинском и смежном мензелинском говоре «бабушка, мать отца или матери»: *Зур инәңнең кеше чақырғанда җәйә торған әйберләре бит бу.* – Это же вещи бабушкины для приема гостей. **Зур инәй** «форма обращения к старшей сестре отца или матери»: *Зур инәй, йырла, син йырларға ишә.* – Тетя, спой, ты хорошо поешь.

Нәнә в значении «бабушка» отмечено в ряде татарских говоров (кргл., байк., стрл., менз., трбс., тпк., карс.), достаточно широко распространена лексема и в тюркских языках [ТТДС 1993: 236]: *Аның нәнәсе бар ул очта.* – У него бабушка живет на том конце деревни (кргл.).

Понятие «отец», как и в большинстве тюркских языков передается термином **ата**. Форма обращения к отцу образуется на основе рассматриваемого термина или его фонетических вариантов при помощи звательного аффикса: зап. д. *атай/атекәй/атекәм/атекәй*, средн. д. *әтий/әт(е)кәй*, в говорах приуральского ареала превалирует *әтәй*, кас., баст. *атай/әтий*, активно выступает форма *атай* как термин обозначения в речи от первого лица.

Әтәй в бугурусланском, каргалинском и шарлыкском говорах «отец и форма обращения к нему». *Минем әтәй инәй өстенән өйләнде дә, без йәтим қалдық.* – Мой отец ещё раз женился после мамы, и мы остались сиротами (бгрс.). *Әтәй сугышта булған.* – Отец был на войне (кргл.).

Қартәтәй (< *қарт* «старый» + *әти* «отец») бытует в бугурусланском в каргалинском говорах «дедушка, отец отца или матери».

Дәү әти в каргалинском говоре «старший брат отца или матери».

В значении «дед, дедушка» употребляются, как и в татарском литературном языке, термин **баба/бабай**.

Термин **абый** (*аба* + звательный аффикс *-й*) «старший брат и форма обращения к нему», как и в татарском литературном языке и всех говорах, употребляется в татарских говорах Оренбуржья повсеместно.

Ақай в каргалинском 1) «старший брат»; 2.) «форма обращения к старшему брату»; 3) «форма обращения к мужчине старше говорящего»: *Әнүәр ақай бәйетне башлаучы иде.* – Анвар ака начинал читать байты.

Дәдәй бытует в шарлыкском говоре в значении «брат»: *Дәдәй безгә бик йардәмнәште инде.* – Брат очень помог нам. Известен в материнском мамадышском говоре, также и в стерлитамакском, сергачском, карсунском, кузнецком, хвалынском говорах.

Апайым в шарлыкском говоре 1) «младший брат или сестра»; 2) «форма обращения к ним»; 3) «форма обращения к любому человеку младше возрастом». *Әй, апайым, йырлаган чаклар бар иде.* – Эх, сестренка, были времена, когда мы пели.

Термин **түтэй** употребляется в каргалинском, мамадышском говорах среднего диалекта как «форма обращения к старшей сестре, к старшей или младшей сестре отца или матери, к дальней родственнице, к старшей родственнице мужа, к любой пожилой женщине». В бугурусланском говоре **түтэй** 1) «родная сестра старше себя и форма обращения к ней» (как и в менз., бирск., перм., кмшл., н.кам.-крш., нагорн., нгб.-крш., трбс., тпк., байк., чст.). *Түтәйнең бер кызы, минем бер улым ғына бар.* – У сестры есть одна дочь, у меня – один сын (бгрс.); 2) «старшая родственница и форма обращения к ней»; 3) «форма почтительного обращения к пожилой женщине».

Түтеш бытует в шарлыкском говоре, смежном стерлитамакском, также и в темниковском говорах 1) «старшая сестра отца или матери». *Казанда да безнең түтеш бар.* – И в Казани у нас есть тетя (шрл.); 2) «форма обращения к двоюродной сестре, старшей по возрасту». *Аның әнкәсе Асия түтеш белән без ике туган баласы.* – С её матерью Асией мы двоюродные (шрл.).

В шарлыкском говоре употребляется ещё следующий вариант: **т'ут'ыш** «форма обращения к старшим и младшим сестрам отца или матери», так же в темниковском говоре.

Систему терминов *свойственного родства* татарских говоров Оренбуржья составляют: *биата(й), биана(й), қайната, қайнана/*

кан'ана, кияу, килен, бабай, эби, каенсеңел/кан'сеңел, балдыз, килендәш, печкәчә(й), йанага(й), әҗенгә/әҗинги, башкыда, ийәрчен қода, кыдача, кодача/қодача, буйдақ, булдакчы и др. Как свидетельствует приведенный перечень, вся система терминов родства по браку в татарских говорах Оренбуржья совпадает с таковыми татарского литературного языка. Различия проявляются лишь на фонетическом уровне. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Биата(й) (тат. литер. каената) «свёкор». Лексема распространена в каргалинском, бугурусланском, заказанских, нагорных, мензелинском, бирском, қряшенских (включая и нагайбакский), камышлинском говорах. *Биатам амылга кайтып биш йыл торды.* – Свёкор уехал в деревню и прожил там пять лет (кргл.) [ТТЗДС: 119]. Аналогичный термин имеется и в говорах башкирского языка [ДСБЯ: 46].

Говорам западного диалекта, в том числе и шарлыкскому говору свойственна *кайын*-система родства по браку, поэтому в указанном говоре бытует вариант литературного **қайната**.

Биана(й) «свекровь» (тат. литер. каенана, биана). *Йола бунча, килен биана белән биатага күренергә тийеш түгел иде инде.* – По традиции невесте нельзя было показываться свекру и свекрови (кргл.). Термины **бианай** и **биатай** являются сложными словами, которые состоят из основ *бий* (др.-тюрк. *veg*) + *ана* и *ата*. [См.: карта № 202 «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья»].

Қайнана/кан'ана употребляются в Бузулукском бассейне и в районах распространения новомусинского подговора шарлыкского говора западного диалекта.

Бабай (тат. литер. каената/биата) «отец жены», «тесть». Кроме того, он распространен в значении «муж», «старик» в каргалинском, пермском говорах и глазовском подговоре. *Инде икенче бабайга чыкты да қуйды* – Вышла за другого замуж и всё (кргл.).

Печкәчә(й) (тат. литер. каенсеңел) «младшая сестра мужа» имеет значительный ареал распространения татарского диалектного языка: каргалинский, мамадышский, қряшенские, нагорные, нукратский, мензелинский. *Печкәчәмнең улы килә ярдәм итәргә.* – Сын младшей сестры моего мужа приходит помогать нам (кргл.).

Понятие «младший брат мужа» (тат. литер. каене) передается термином **йанага(й)**, изоглосса которой проходит в рамках следующих говоров: каргалинский, нукратский, мамадышский, дубязский, нагорные, мензелинский, бирский [ТТЗДС: 231]. Возможно, что данный термин восходит к сочетанию *жаң/йан* (душа) + *ага(й)* (старший брат).

Как и во всех тюркских языках, термин **кода** является «взаимным» [Покровская 1961: 73] термином родства для родителей супругов и, выступает в значении мужского термина – «сват», «кум». А в значении «сваха», «кума» выступает производное от него **кодагый** (литер. и средн. д.), варианты *кыдагий/кыдаги* (западный диалект).

Укажем и другие слова, которые связаны с обрядами замужества и женитьбы. **Буйдак** в каргалинском, тарханском, также и мензелинском говорах обозначает одиноких мужчину или женщину, не имеющих детей. Восходит к др.-тюрк. *bod* – тело, туловище [ЭСТЯ 1978: 176–178]. **Булдакчы** когда-то являлось причастной формой, и в соответствующем значении тот, кто приходится кем кому сохранилось в татарских говорах (шарлыкском и чистопольском и др.). Например, *Бер килен булдакчысы йәш килен йанында йөри*. – Одна из снох находится около молодой невестки (шрл.).

Как показывает вышеизложенное, термины родства и свойства татарских говоров Оренбуржья представляют собой целостную систему, свидетельствующую также и о том, что татары-переселенцы сохранили в своих говорах исконную систему терминов родства, что ещё раз свидетельствует об устойчивости данной категории лексики (кргл., бгрс. – *печкәчэй* «младшая сестра мужа», *янагай* «младший брат мужа», *түтэй* «форма обращения к старшей сестре»; *бием* «свекровь»; шрл. – *хәрендәш* «род, племя», *дәдәй* «брат», *кан'анна* «свекровь» и др.

5.2. Обрядовые названия

Непосредственное отражение в языке находит духовная жизнь народа. Через неё мы узнаем историю, мировосприятие, культурные ценности, эстетические воззрения и стремления народа. Именно по этой причине изучение лексики, связанной с духовной культурой, как этнографический материал определенного региона,

способствует также реконструкции татарской языковой картины мира» [Батыршина 2008: 37]. Необходимо учесть тот факт, что некоторая часть лексики этнокультурного плана известна меньшему количеству диалектоносителей и зачастую не зафиксирована в словарях.

Большая часть наименований обычаев, праздников и связанных с ними обрядов татарских говоров Оренбуржья своими корнями восходит в глубь истории.

Бэйрэм «праздник», «торжество; особый день» является лексемой литературного языка. К наиболее распространенным его дериватам, употребляемым в татарских говорах Оренбуржья, относятся **йомырка бэйрәме** (кргл), **йымырка бар'аме** (шрл.). Интересным является употребление в шарлыкском говоре слова *мәшәкәт* в значении «званный обед».

Лексико-семантическую группу «обряд моления дождя» образуют лексемы **яңгыр теләү/ келәү, зур келәү** «обряд моления дождя».

Зэрэ йасау в каргалинском говоре «обычай собирать яйца перед выходом на посев». *Иң әвәле балалар зэрэ йасыйлар, қапчық белән күкәй жыйалар, шул зэрәдә балаларга ашлар пешереп ашталар.* – Сначала дети собирают яйца перед выходом на посев, в это время их кормят супом.

Обряды, связанные с татарским национальным праздником *сабантуй*. Обряд **сөрән суғу** – 1. В бугурусланском говоре, также в говорах Приуралья и кряшен «сбор подарков накануне сабантуя». *Сөрән сугалар ыйы атқа атланып, асылны әйләнеп бүләк жыйалар.* – Бывало собирали подарки накануне сабантуя, верхом на лошади (бгрс.), 2. В каргалинском говоре «мотаться без дела» (тат. литер. эшсез, тик йөрү). *Сөрән сугып йөри, диләр, эшләмичә йөргәч.* – Если ходит без работы, говорят мотается без дела [ТТЗДС: 579].

Бэйгеләү – в каргалинском говоре «провести скачки» (тат. литер. ат чабыштыру): *Йегерме икенче йылларда, асылның йыллыгын бэйгеләп уздырдылар.* – В двадцатых годах, в честь дня деревни провели скачки.

Существуют названия обрядов, связанных с повседневной сельской жизнью: совместное строительство дома, кладка печи, переезд

в новый дом считался важным событием в жизни человека. В связи с этим повсеместно проводили праздник **йорт күрсәтү** (кргл., стрл.), **ызба котлау** (шрл.), **өй күрсәтү** (бгрсл.), **ызба коты** (хвл.) «новоселье».

Молодежь также устраивала праздники, такие как **аулагаш** «вечернее собрание молодых для дружеской встречи, развлечения» в шарлыкском говоре. В каргалинском говоре в данном значении зафиксирована лексема **булыш**: *Булышлар йасылар иде, қызлар, йегетләр жыйылып уйнаган була.* – Раньше устраивали вечера, мальчики и девочки собирались и играли. В бугурусланском и каргалинском говорах бытует слово **керешу** в значении «дом, где вечерами, в отсутствие старших собирались молодые люди и вместе готовили еду»: *Элек керешугә Хәтимәгә жыйыла торган идек.* – Раньше бывало, на вечера собирались у Хатимы. **Урын ашы** «еда, которая готовилась в складчину на вечерах»: *Кемдә нәрсә бар, шуны алып килә ийе дә, урын аш пешерә ийек.* – Приносили у кого что есть, готовили блюдо.

В татарских говорах Оренбуржья зафиксированы следующие названия игр, которыми всегда сопровождалась праздники, большинство из которых являются узкокальными: **зилем** (шрл.) «игра, веселье»: *Кылупта булдыгызмы, зилем карамадыгызмы?* – Были в клубе, игры смотрели?; **аркасугыш** (шрл., чст.) «вид детской игры», **сәвәнәйле уйнау** (кргл.) «рядиться, делать маскарад», **аткылану** (шрл., хвл.) «играть, разделившись на команды», **зилем уены** (шрл., бгрс., кргл.) «игра, в которой пары поочередно проходили друг меж другом»; **чүрәкә** (бгрс.) «игра на земле с начертаниями, вроде классиков»; **эйлән-бэйлән уены** «игра, в которой вставали в круг, хоровод по очереди входили в него, и вошедшему давались задания», например, *Әйләнегез, китегез, Уртага чыккан балага Әйдә рәхим итегез!* – Кружитесь, веселитесь! Вышедшему в центр человеку: добро пожаловать! **Титаклы уен** «классики»; **урта чартау** «игра прыжками вперед»; **тычкан салыш** «игра, в которой к кому-то в руки из играющих ведущий ложил предмет (колечко) и давал задание», например, *Тычкан кемдә, йөгрен чык, Кырындагын үбеп чык.* – У кого мышка, выходи, поцелуй соседа и др.

Самыми важными в жизни человека этапами считались рождение, свадьба, уход в мир иной [подр. см. Баязитова 1992]. Все они

имеют определенную структуру и проходят по определенному сценарию, складывавшемуся на протяжении нескольких тысячелетий.

В структуре изучаемых обрядов нужно подчеркнуть *родинный обряд*. Лексика обрядов, которая связана непосредственно с родами, состоит из небольшого количества лексем. Например слова, *асырау* в каргалинском и бугурусланском говорах, *бала билләу, бала түрәу* в шарлыкском и также сергачском говорах.

«Обряд наречения имени» обозначается термином *исем кушу* (буквально дать имя), в каргалинском, бугурусланском, также и в мамадышском и других говорах. Этот важный обряд именуется и другими терминами, такими как *ат кычкырту* в шарлыкском и хвалынском говорах, *ат кыцкырту* (чст.), *ат кычкыру* (лмб.) «нарекать именем», образовано от *ат* «имя» + *кычкырту* «крикнуть». Наименование с компонентом *ат* «имя» свойственно и для астраханского (*ат кычкырту*), нукратского (*ат салдыру, ат салу*) и других говоров.

В татарских говорах Оренбуржья, как и в большинстве других говоров Оренбуржья употребляются словосочетания, где за основу берется акцент на первенство в каком-либо действии. К примеру, *чәч эни* в шарлыкском говоре обозначает «женщину, первый раз сбившую волосы ребенка». Ср.: *теш анасы* (тмн., кас.), *тешана* (тмн.) «женщина, которая первая заметила прорезание зуба».

Весьма богато представлен спектр *лексики свадебных обрядов*, в состав которой входят и названия разнообразных свадебных обрядов, пиршеств, участников свадьбы, различных подарков, угощений, песен и игр, сопутствующих данному событию.

В татарских говорах Оренбуржья, как и в большинстве других говоров, в основном сохраняются традиционные этапы свадебного обряда: *кыз сорау, килешү, никяхландыру, кыз куенына керү, туй мәжлесе ясау, кияүләп йөрү, килен төшерү* и др. В то же время наблюдаются некоторые различия в деталях проведения данных обрядов. Рассмотрим некоторые отличительные моменты, зафиксированные в приведенных примерах.

В деревне Сарманаево начальным этапом свадьбы считается *йаучы йебәрү* «послание сватов», где родители договариваются о предстоящей свадьбе, и даются обязательства. В Дусметьево аналогичным вариантом выступает *башкода килү* «визит главного сва-

та», где в отличие от сарманаевских традиций, в качестве свата обязательно приходит отец жениха. В деревне Новомусино начальный этап свадьбы носит название *башкодалай килу* «прийти в качестве главного свата», где так же просят родителей отдать их дочь в жены своему сыну, происходит договор о предстоящей свадьбе.

Татары Оренбуржья устраивают различные свадебные пиры, угощения. Например, **аклашу** в каргалинском и бугурусланском говорах «сосватать, просватать невесту», после этого устраивалось пиршество – **йараш туй** (шрл.) «званный обед, пиршество с участием самых близких родственников жениха и невесты», **туй иртәсе** (шрл.) «угощение, устраиваемое на второй день после свадьбы», **туй корбаны** (бгрс., кузн.) «угощение в доме жениха в честь невесты с жертвоприношением», **бирнә туйы** (шрл.) «пир с участием взрослых, где раздают подарки невесты», **туй аулагы** (кргл., бгрс.) «веселье молодежи в доме жениха или невесты». **Тертке** (шрл.) «последнее застолье в конце свадьбы». *Терткәндә халык йыйыла ашка*. – На последнее застолье народ собирается на пир. **Тертке** от слова *төрт* «толкать» + афф. *-ке*.

Рассмотрим ещё некоторые обряды, проводившиеся на исследуемой территории.

Билбау чишү (кргл.) «обычай развязывания невестой пояса жениха» (общетатарский обряд): *Кыз билбауның очон табын чишергә тийеш ийе*. – Девушка должна была найти концы пояса жениха и развязать их. **Булыш** (кргл.) «увеселение молодежи с участием невесты в отдельном доме, в день помолвки». **Баш өтү** «обычай сватать девушку и устраивать в знак сговора обед». **Ишек тоту** «обычай придерживать дверную ручку при входе жениха к невесте в дом». **Йорт күрергә бару** (бгрс., шрл.) «приезд родителей невесты и некоторых участников предстоящей свадьбы в дом жениха для знакомства». **Килен төшерү** «переезд невесты в дом будущего мужа». **Қода сыйлау** (кргл.) «обычай устраивать званный обед в доме жениха с приглашением родителей невесты и их близких после сговора». **Күмәч кисү** (кргл.) «обычай резать белый хлеб ножиком жениха в день помолвки». **Кунга** (< *кун'* < *куен* «объятие») **йерү** (шрл.) «ездить к невесте на правах мужа после помолвки». **Мендәргә утыру** (кргл.) «обычай, согласно которому в день помолвки на приготовленную для жениха подушку сажают одну из

сестер невесты; после того как жених одаривает её монеткой, она уступает ему место». **Мəһəр** (бгрс.) 1. «приданое невесты, привозимое в сундуке, в дом жениха»; 2. «вещевая часть калыма (обувь, одежда, постель). Во всех говорах среднего диалекта этот термин обозначает «калым, выкуп за невесту». **Чəкчəки ачу** (кргл.) «снятие покрывала с подноса, где вместе с чакчак приготовлены подарки невесты для родных жениха». **Элү** (бгрс.) 1. «часть приданого невесты, развешиваемая ею в доме жениха в день приезда»; 2. «подарки невесты родственникам жениха, развешиваемые ею при входе в дом жениха».

Одним из наиболее распространенных предсвадебных действий является сватовство. Центральное значение имеют лексема **аклашу** (бгрс.) «сосватать невесту», **аклашу** в том же значении характерна и для заказанских, камышлинского и других говоров татарского языка.

В этом сватовском обычае важным элементом являются также переговоры о сумме расходов на свадьбу, о калыме. Такие, переговоры о сумме калыма в шарлыкском говоре именуется **калым сүләшү**. Обряд передачи калымных денег обозначается выражением **акча салу** (бгрс.) «передача женихом, или отцом жениха калымных денег родителям невесты».

Названия *участников свадьбы* также составляют один из компонентов свадебной лексики. Лексемы обозначающие «сопровождающих невесту людей»: **канат** (шрл., менз., стрл.) «девушки, женщины, супружеские пары, сопровождающие невесту в дом жениха», **арчи/арчий** (шрл.) «родственники или близкие невесты, сопровождающие её в дом жениха» (так же в нукр., менз. и др.), **арчылый: арчылый бару** (бгрс.) «ехать в качестве сопровождающих невесты в дом жениха»: *Кызны утыртып алып китəлəр, арчылый баралар өч пар.* – Сопровождающими ехали три пары, сажали девушку и везли к жениху. **Айақчы** (бгрс., менз., сиб. диал., астр.) «женщина помогающая хозяйке готовить обед для приглашенных гостей». *Ике айақчысы бар иде.* – Были две помощницы. Лексема **канат**, возможно, связана с *канəт* «милый, близкий друг», так как сопровождающими были близкие родственники или подруги невесты, что отражается в семантике и других лексем этой группы [Казиханова 2011: 180].

Таким образом, анализ лексики духовной культуры раскрыл различные культурные компоненты в структуре изучаемых реалий. Лексемы, называющие праздники, игры показывают, что и старшее поколение (*игерче*, *игырча* «ежегодные деревенские гулянья, празднества, устраиваемые в летние месяцы несколькими селами и деревнями», *аулагаш* «молодежная вечеринка») и младшее поколение (*аркасугыш* «вид детской игры», *сәвәнәйле уйнау* «рядиться, делать маскарад», *аткылану* «играть, разделившись на команды», *зилем уены* «игра, в которой пары поочередно проходили друг меж другом») носителей татарских говоров Оренбуржья старались проводить время в коллективе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Комплексное исследование лексики основных тематических групп татарских говоров Оренбуржья как системы показало, что лексика татарских говоров Оренбуржья представляет собой сложную систему как в генетическом, так и в словообразовательном и семантическом аспектах. И проявляет наибольшую общность с татарским литературным языком, содержит в себе основные элементы татарской диасистемы, характерные для большинства татарских говоров.

Татарские народные говоры распространены на обширных территориях. Многие из этих территорий были заселены татарами в разное время и разными путями, они были выходцами из разных местностей, и на новых землях были абсолютно разные условия. Все это приводит к разнообразию в развитии сформировавшихся на новой территории говоров. В результате образуется единство татарских говоров как целостная система диалектного языка.

В генетическом плане исследованная нами лексика состоит из двух пластов: исконно татарского и заимствованного.

Лексика, относящаяся к тюркскому пласту, включает в себя слова, издавна бытующие в татарском языке, отраженные и в древнетюркских словарях. Значительная часть их составляет основной фонд лексики языка: термины родства, слова, характеризующие человека в планах физического и духовного состояния, названия природных явлений, растений, животных и т.д. Они наиболее часто употребляются в повседневной жизни диалектоносителей.

В сравнении с литературным языком для диалектной лексики татарских говоров Оренбуржья характерны следующие особенности:

1. Фонетическая вариативность (*дан*, литер. тән «тело», *кэзэ* литер. кэжэ «коза», *песэй* литер. песи «кошка», *пичэтка* литер. перчатка «перчатка», *кечерткэн* литер. кычыткан «крапива», *бырны*

литер. борын «нос», *сулау* литер. сөйләу «говорить», *инэй* литер. эни «мама», *нука* литер. онык «внук» и др.).

2. Слова, по фонетическому звучанию совпадающие с литературным языком, однако имеющие другое значение или несколько иные семантические оттенки. Например, *қарагай* литер. «лиственница», в говоре «сосна»; *сәке* литер. «нары, лавка», в говоре «маленькая комната»; *почмак* литер. «угол», в говоре «кухня»; *чокыр* литер. «яма, ров», в говоре «чашка»; *роза* литер. «роза (цветок)», в говоре «кушанье из высококачественного теста, изготовленное путем жарения в масле».

3. Слова, корни которых общие с литературным языком, но отличаются по морфологическому оформлению: *қурқыч* литер. куркыныч «страшно», *тырмавыч* литер. тырма «грабли», *берсесе* литер. берсе «один из», *жәйли* литер. жәй буге «всё лето», *килгәнәң* литер. килгәнсең «ты пришел», *йөрисе* литер. йөрергә «ходить», *кигерәм* литер. кидерәм «одеваю» и др.

4. Собственно диалектизмы, которые подразделяются на *специфичные*, характерные только для исследуемых говоров (*бақашар*. «серая цапля»; *тертке* «последнее застолье в конце свадьбы»; *айнанай* «ласковое обращение к лицам младше себя»; *қордой* «форма обращения к ровеснику»; *илем* «человек, любящий других людей, добрый по отношению к другим»), *узколокальные* (*қузы* «горячий уголь»; *мирас бала* «ребёнок, родившийся после смерти отца»; *әйкәйем* «форма обращения друг к другу женщин-подружек» и др.).

Заемствованный пласт исследуемой лексики делится на три группы – арабо-персидскую, финно-угорскую и русскую.

Арабские и персидские заимствования проникали через письменную литературу и язык просвещенного духовенства ислама, также через торговые отношения. Некоторые из них приобрели своеобразные смысловые оттенки, свойственные только для говоров исследуемого ареала. Арабские заимствования *мәһәр* «приданое невесты, привозимое в сундуке, в дом жениха, вещевая часть калыма (обувь, одежда, постель)», *нитырас/нитырач* «мелкие лепешки из пресного теста»; *тақыя* «шапка»; *хәшәп* «деревянный башмак с верхом, плетённым из лыка или холщовой нити», и др.

Персидские слова: *хәрти* «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек»; *хәртә*, *хәрти* «стеганая безрукавка»;

қондыз «соболиный», дурман «ядовитое растение из семейства паслёновых с одуряющим запахом; белена», и др.

Финно-угорские заимствования составляют древний пласт лексики: *лапақай* «низкорослый (человек)», *тима* «валенки», *прамыш* «мелкий овод», *мәте* «жидкая грязь», *шаңгә* «шаньга», *каркеш* «оборки для лаптей» и др. Данная общность возникла в результате взаимодействия и взаимовлияния финно-угорских и тюркских языков и обмена опытом носителями этих языков в общей географической среде.

Заслуживают внимания и слова, общие с монгольским языком: *малахай* «шапка-ушанка»; *арчи* / *арчий* «родственники или близкие невесты, сопровождающие её в дом жениха». Возможно, здесь прослеживается влияние казахского языка, поскольку монголизмов в татарском языке около 60, а в казахском около 200 [Рассадин 1980].

Длительное проживание с русскими способствовало проникновению русских заимствований: *тикеш* «чугунный горшок»; *матик* / *матига* «мотыга»; *ваздуш* 1. «саманный кирпич»; 2. «хлев или кухня, построенная из саманных кирпичей и др.

Анализ лексики татарских говоров Оренбуржья показал, что переселенческие говоры исследуемого ареала сохранили в себе основной пласт лексем материнских говоров. Слова в каргалинском и бугурусланском говорах, характерные для материнских говоров среднего диалекта, то есть основные элементы, характерные для среднего говора: *жөз* «лицо»; *арқа чоқоры* «спинной хребет»; *ала ат* «пегая лошадь»; *қызылтүш* «снегирь»; *биата(й)* «свёкор». В некоторых случаях сохраняется корневая форма слова, например, *шөкәтсез* в каргалинском говоре «плохой, некрасивый», в материнском мамадышском говоре выступает производное *шөкәтсезләну* «стать безобразным, терять вид».

В шарлыкском говоре продолжают сохраняться диалектизмы, основные элементы татарской диасистемы, характерные для западного диалекта: *уй* «равнина»; *йэйәк* «щека»; *йырт* «двор»; *былдыр* «крыльцо», *пәрчатка* «перчатка»; *куш кулмәк* (этнографическая) «мужская рубашка и женское платье вместе взятые, преподносимые во время свадьбы парным родственникам в качестве подарка со стороны невесты»; *туварук* «курт, красный творог»; *пәйеж* «накипь, образующаяся на мясном бульоне»; *азбар* «дом»; и др.

Семантический подход в исследовании лексики татарских говоров Оренбуржья показал, что формирование этих говоров шло в условиях непосредственного взаимовлияния и взаимодействия представителей среднего и западного диалектов. С другой стороны, контакты происходили между носителями и других языков: между татарами и башкирами, татарами и русскими и др.

В ходе анализа выявилось, что в условиях длительного сосуществования происходило изменение семантики в сторону расширения или сужения значения лексемы, увеличение её морфологической либо синтаксической деривации. Так, у характерного для западного диалекта слова *зэрэ* «рассвет», *зэрэ йарылу* «рассветать» в переселенческом шарлыкском говоре в условиях Оренбуржья расширилась деривация и обогатилась семантическая функция: *кен зэрэсе* «дневной свет». В шарлыкском говоре известно название *камыр жыләге* «шиповник». Интересно, что выражения с основой *камыр* сложились в ряде окружающих татарских говоров: тепекеевском *қамыраш*, в стерлитамакском *камыр жыләге*, в пермском *қамырлавық*, мензелинском *қамырлық* обозначают растение «боярышник». Тем самым, шарлыкский говор оказался в составе изоглоссы одинакового принципа номинации слова, т. е. мякоть ягод сравнивается с тестом.

Анализируя татарские говоры Оренбуржья в лексико-семантическом аспекте необходимо отметить то, что наиболее характерную общность они проявляют с окружающими смежными говорами татарского языка (стерлитамакский, мензелинский, камышлинский).

В целом, лексика татарских говоров Оренбуржья представляет собой целостную лексико-семантическую подсистему диасистемы татарского языка, которая формировалась в течение нескольких столетий. В ней сохранились архаичные элементы, также имеются локальные лексемы. Являясь переселенческими, говоры Оренбуржья сохранили в себе особенности материнских говоров – основные элементы татарской диасистемы, которые относятся как к западному (в шарлыкском), так и среднему (в каргалинском и бу-гурусланском) диалектам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Названия словарей и других трудов

- ДТС – Древнетюркский словарь
ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка
ИИДТЯ – Исследования по исторической диалектологии татарского языка.
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
ТТЗДС – Большой диалектологический словарь татарского языка (Татар теленен зур диалектологик сүзлеге)
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков

Названия диалектов, говоров и подговоров татарского языка

Ср. д. – средний диалект

- астр. – астраханский говор (Астраханская область и ее соседние регионы)
баст. – бастанский говор (Рязанская область)
бгрс. – бугурусланский говор (Оренбургская область)
бирск. – бирский говор (Республика Башкортостан)
блт. – балтасинский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
глз. – глазовский подговор нукратского говора (Удмуртская Республика)
дубь. – дубьязский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
заказан. – заказанская группа говоров (Республика Татарстан)
заказ.-крш. – заказанско-кряшенский говор (Заказанье: Республика Татарстан)
злт. – златоустовский говор (Республика Башкортостан, Челябинская область)
ичк. – ичкинский говор (Курганская область)
кас. – касимовский говор (Рязанская область)
кмшл. – камышлинский говор (Самарская область)
кр.-уф. – красноуфимский говор (Свердловская область)
кргл. – каргалинский говор (Оренбургская область)
крмн. – курмантауский говор (Республика Башкортостан)
крш. – говоры крещеных татар
к.-уст. – камско-устыинский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
лш. – лаишский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)

мам. – мамадышский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
 менз. – мензелинский говор (Республика Татарстан, Республика Башкортостан)
 н.кам.-крш. – нижнекамско-кряшенский говор (Республика Татарстан)
 нагорн. – Нагорная группа говоров (Республика Татарстан)
 нгб.-крш. – нагайбакско-кряшенский говор (Челябинская область)
 нукр. – нукратский говор (Кировская область, Удмуртская Республика)
 нурл. – нурлатский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
 пар. – параньгинский говор (Республика Марий Эл)
 перм. – пермский говор (Пермская область)
 тпк. – тепекеевский говор (Республика Башкортостан)
 трбс. – турбаслинский говор (Республика Башкортостан)
 трх. – тарханский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)

Западн. д. – западный диалект

байк. – байкибашевский говор (Республика Башкортостан)
 влгг. – волгоградский говор (Волгоградская, Астраханская области и Ставропольский край)
 држ. – дрожжановский говор (Республика Татарстан и Чувашская Республика)
 калд. – калдинский говор (Ульяновская область)
 карс. – карсунский говор (Ульяновская область)
 кузн. – кузнецкий говор (Пензенская область)
 лмб. – лямбирский говор (Республика Мордовия)
 мел. – мелекесский говор (Ульяновская область, Самарская область)
 м.-кар. – мордва-каратаевский говор (Республика Татарстан)
 нагорн.-крш. или подб. – говор нагорных кряшен или подберезинский говор (Республика Татарстан)
 срг. – сергачский говор (Нижегородская область)
 стрл. – стерлитамакский говор (Республика Башкортостан)
 тмн. – темниковский говор (Республика Мордовия)
 хвл. – хвальинский говор (Ульяновская область)
 чет. – чистопольский говор (Республика Татарстан, Самарская область)

Сиб. д. – сибирские (восточные) диалекты

тоб.-ирт. д. – тоболо-иртышский диалект (Тюменская и Омская области)
 забол. – заболотный говор (Тюменская область)
 тар. – тарский говор (Омская область)
 тевр. – тевризский говор (Омская область)
 тобол. – тобольский говор (Тюменская область)
 тюм. – тюменский говор (Тюменская область)

бараб. д. – барабинский диалект (Новосибирская область)

том. д. – томский диалект (Томская и Кемеровская области)

калм. – калмакский говор (Кемеровская область)
 зушт. – зуштинско-чатский говор (Томская область)

Названия других языков, диалектов и их говоров

аз. – азербайджанский язык	огуз. – огузский
алт. – алтайский (ойротский) язык	перс. – персидский
алтай. – алтайские говоры (русск.)	рус. – русский
араб. – арабский язык	ср.-кыпч. – среднекыпчакский
балк. – балкарский	ср.-уйг. – среднеуйгурский
башк. – башкирский	тадж. – таджикский
гаг. – гагаузский	тат. – татарский
др.-тюрк. – древнетюркский	тув. – тувинский
др.-уйг. – древнеуйгурский	тур. – турецкий
каз. – казахский	туркм. – туркменский
кар. – караимский	тюрк. – тюркский
кирг. – киргизский	удм. – удмуртский
ккалп. – каракалпакский	узб. – узбекский
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский	уйг. – уйгурский
кум. – кумыкский	фин. – финский
мар. – марийский	хак. – хакасский
монг. – монгольский	чаг. – чагатайский
морд. – мордовский	чув. – чувашский
ног. – ногоайский	эрз. – эрзянский
общ.-тюрк. – общетюркский	як. – якутский

Другие сокращения

литер. – литературный
 см. – смотрите
 ср. – сравните

БИБЛИОГРАФИЯ

Лексикографические источники

Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка / Р.Г. Ахметьянов: в 4-х т. Т. 1: А–Й. – Бирск: Бирский гос. пед. ин-т, 2005. – 233 с.

Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: ике томда. I т. (А–Л). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 б.

Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: ике томда. II т. (М–Я). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 б.

Диалектологический словарь башкирского языка / сост.: М.И. Дильмухаметов, У.Ф. Назергулов, С.Г. Сабираянова, Г.Г. Гареева. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тешишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. – Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / А.В. Дыбо. – Астана, 2013. – 620 с.

Материалы по татарской диалектологии. – Казань. – Вып. 2. – 1962; Вып. 3. – 1974; 1976; Вып. 4 – 1978; Вып. 5 – 1983; Вып. 6 – 1988; Вып. 7 – 1989; 1990.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974–2003. – Т. 1–7.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д» / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 395 с.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. – М., 1989 – 291 с.

Татар диалектологиясе буенча материаллар / под. ред. Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1978. – 132 б.

Татар теленен диалектологик сүзлеге / төз.: Н.Б. Борханова, Л.Т. Мәхмүтова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 643 б.

Татар теленең диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 460 б.

Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д.Г. Тумашева – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 256 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. / М. Фасмер. – 3-е изд., стереотип. – М.: Азбука-Терра, 1996. – Т. 1. – 576 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. / М. Фасмер. – 3-е изд., стереотип. – М.: Азбука-Терра, 1996. – Т. 3. – 832 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / М. Фасмер; перевод и дополнения О.Н. Трубочёва. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель – АСТ, 2004. – Т. 4. – 860 с.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. – 600 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / авт. сл. статей: Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 1997. – 362 с.

Литература на русском языке

Арсланов Л.Ш. Формирование островных говоров татарского языка (говоры Астраханской и Волгоградской областей) / Л.Ш. Арсланов. – Казань: КГПИ, 1983. – 78 с.

Атлас татарских народных говоров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newipi.antat.ru>

Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д.Б. Рамазанова, Т. Х. Хайрутдинова. – Казань: ИЯЛИ. – 2015. – 632 с.

Афлетунов А.Ш. Вопросы диалектальной лексики / А.Ш. Афлетунов // Проблемы тюркологии и русского востоковедения. – Казань, 1960. – С. 71–72.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1981. – 144 с.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1988. – 200 с.

Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.С. Барсукова – Казань, 2002. – 23 с.

Баязитова Ф.С., Хайбуллина Г.Х. Язык и культура: этнолингвистические и этноконфессиональные особенности татарских говоров Западного Закамья Татарстана / Ф.С. Баязитова, Г.Х. Хайбуллина – Казан, 2013. – 400 б.

Богус З.А. Соматическая лексика и соматический язык / З.А. Богус // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 1. – С. 59–60.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию / О.И. Блинова. – Томск, 1975. – 258 с.

Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана» / М.Р. Булатова – Казань, 2013. – 240 с.

Бурганова Н.Б. О татарских народных названиях растений / Н.Б. Бурганова // Вопросы лексикологии и лексикографии. – Казань, 1976. – С. 125–141.

Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров Н.Б.Бурганова, Л.Т. Махмутова // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 2. Казань, 1962. – С. 7–18.

Виноградов В.В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). – М.; Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.

Воробьев Н.И. Казанские татары. Этнографическое исследование дооктябрьского периода / Н.И. Воробьев. – Казань: Татгосиздат, 1953. – 120 с.

Добродомов И.Г. Ландшафтная терминология в пратюркском / И.Г. Добродомов // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 101–119.

Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс) / А.В. Дыбо. – М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. – 389 с.

Закиев М.З. Сравнительно-историческое изучение языков и диалектов и проблема взаимосвязи истории языка и истории этноса / М.З. Закиев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БашГУ, 1985. – С. 20–26.

Закиев М.З. Образование языка татарского народа / М.З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. – 207 с.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под ред. Н.К. Дмитриева. – М., 1955–1962. – Т. 1–4.

Казиханова А.Г. Лексико-семантическая система мишарского диалекта татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. н. / А.Г. Казиханова. – Казань, 2011. – 28 с.

Кочеваткин А.М. Соматическая лексика эрзянского языка / А.М. Кочеваткин. – Саранск: Красный октябрь, 2001. – 200 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – 347 с.

Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров (к мишарско-мордовским взаимосвязям) / Л.Т. Махмутова // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1976 – С. 152–159.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка) / Л.Т. Махмутова. – М., 1978. – 272 с.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка / С.Ф. Миржанова. – М., 1979. – 272 с.

Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков / К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1984 – 228 с.

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование / Р.Г. Мухамедова. – Казань: Магариф, 2008. – 295 с.

Насипов И.С. Сравнительно-историческое исследование системы лексико-тематических групп татарского языка / И.С. Насипов, Ф.Ф. Гаффарова, Д.Б. Рамазанова. – Уфа: Гилем, 2007. – 296 с.

Попов С.А. Тайны пятимаров / С.А. Попов. – Челябинск, 1971. – 248 с.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке: в 2-х кн. Д.Б. Рамазанова. – Казань, 1991. – Кн. I. – 87 с; Кн. II. – С. 88–192.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. – Казань, 1996. – 239 с.

Рамазанова Д.Б. Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора: монография / Д. Б. Рамазанова. – Казань: Магариф, 2001. – 208 с.

Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте / Д. Б. Рамазанова. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – 352 с.

Рамазанова Д.Б. Вопросы татарской диалектологии / Д.Б. Рамазанова. – Казань: Алма-Лит, 2008. – 272 с.

Рассадин В.И. Монгольские заимствования в тюркских языках / В.И. Рассадин. – М.: Наука, 1980. – 116 с.

Саберова Г.Г. Названия растений в татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. – 130 с.

Садыкова З.Р. О некоторых лексических особенностях говора оренбургских татар / З.Р. Садыкова // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых. – Казань, 1971. – С. 24–28.

Садыкова З.Р. Группировка татарских говоров Оренбургской области по фонетическим особенностям / З.Р. Садыкова // Материалы IV конференции молодых научных работников. – Казань, 1976. – С. 133–135.

Садыкова З.Р. Формирование говоров оренбургских татар (по данным фонетики) / З.Р. Садыкова // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. – Казань, 1979. – С. 73–104.

Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар / З.Р. Садыкова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 158 с.

Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка / З.Р. Садыкова. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1994. – 128 с.

Садыкова З.Р. Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке / З.Р. Садыкова. – Казань: Фикер, 2003. – 211 с.

Сайфи Л.А. Соматическое пространство языка / Л.А. Сайфи // Вестник Башкирского университета. – № 1. – 2008. – С. 69–72.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Наука, 1997. – 800 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Э.Р. Тенишев (ред.) – М.: Наука, 2002. – 768 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – Т. 6. – 912 с.

Татары в Оренбургском крае. – Оренбург: Димур, 1997 – 228 с.

- Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
- Тенишев Э.Р.* Тюркские языки в синхронии и диахронии / Э.Р. Тенишев // Вопросы филологии. – М., 2004. – № 3 (18). – С. 34–43.
- Тумашева Д.Г.* Язык сибирских татар. Кн. II / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 182 с.
- Тумашева Д.Г., Насибуллина А.Х.* Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области / Д.Г. Тумашева, А.Х. Насибуллина. – Тюмень, 2000. – 170 с.
- Узбеков И.Г.* О некоторых проблемах национального самоопределения татар / Узбеков И.Г. // Материалы конференции «Татары в Оренбургском крае». Оренбург: Димур, 1997. – 228 с.
- Футорянский Л.И.* История Оренбуржья / Л.И. Футорянский. – Оренбург, 1996. – 350 с.
- Хайрутдинова Т.Х.* Говор златоустовских татар / Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 157 с.
- Хайрутдинова Т.Х.* Некоторые названия мучных изделий в говорах татарского языка / Т.Х. Хайрутдинова // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 6. – Казань, 1988. – С. 83–97.
- Хайрутдинова Т.Х.* Названия пицы и утвари в говоре подберезинских крышен / Т.Х. Хайрутдинова // Молькеевские крышены. – Казань, 1994. – С. 117–127.
- Хайрутдинова Т.Х.* Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода) / Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Фикер, 2000. – 128 с.
- Хайрутдинова Т.Х.* Народные названия растений в татарском языке / Т.Х. Хайрутдинова – Казань: Фикер, 2004. – 224 с.
- Шайхулов А.Г.* Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики) / А.Г. Шайхулов. – Уфа: БашГУ, 1988. – 88 с.
- Шайхулов А.Г.* Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка: в 2-х частях / А.Г. Шайхулов, Л.У. Бикмаева, З.Р. Садыкова. – Уфа-Бирск-Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2006. – Ч. 1. – 259 с.; Ч. 2. – 297 с.
- Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А.М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82–173.

Литература на татарском языке

- Әхмәтъянов Р.Г.* Турбаслы төбәге / Р.Г. Әхмәтъянов // Исследования по татарскому языкознанию. – Казань, 1984. – С. 138–146.
- Баязитова Ф.С.* Гомернең өч туге: Татар халкының гаилә йолалары / Ф.С. Баязитова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 298 б.
- Баязитова Ф.С.* Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы / Ф.С. Баязитова. – Казань, 2007. – 480 б.
- Баязитова Ф.С.* Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары ясылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан: Паравитта, 2011. – 976 б.

Борханова Н.Б. Казан арты керәшен сөйләшләрэн төп билгеләре буенча төркемләү / Н.Б. Борханова // Татар теле һәм әдәбияты. – 6 нчы китап. – Казан, 1977. – Б. 80–89.

Габдрахманова Л.Т. Соматик терминнарны номинацияләү принциплары / Л.Т. Габдрахманова // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Вып. № 4 – Казань: Фикер, 1999. – С. 70–75.

Гафаров И.Ә. Туган як мирасы / И.Ә. Гафаров. – Казан, 2004. – 223 б.

Замалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре / Р.Р. Замалетдинов. – Казан: Мәгариф, 2006. – 351 б.

Милли-мәдәни мирасыбыз: Оренбург өлкәсе татарлары. – Казан, 2016. – 360 б.

Насипов И.С. Татарская диалектология: библиографический справочник / И.С. Насипов. – Стерлитамак: СГПИ, 2004. – 156 с. (на татар. яз.).

Рамазанова Д.Б. Туйлар, туйлар... / Д.Б. Рамазанова – Казан, 1997. – 104 б.

Рамазанова Д.Б. Татар диалектларын өйрәнү тарихыннан / Д.Б. Рамазанова // Татар халык сөйләшләре: ике китапта. – Беренче китап. – Казан: Мәгариф, 2008. – Б. 11–18.

Рамазанова Д.Б. Татар телендә кешегә бәйләнеше лексика / Д.Б. Рамазанова. – Казан, 2013. – 364 б.

Рамазанова Д.Б. Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре / Д.Б. Рамазанова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 287 б.

Сабитова И.И. Татар телендә соматизмнардан ясалган микропонимнар: гомумтөрки катлам // Материалы международной научно-практической конференции «Средневековые тюрко-татарские государства»: Сборник статей. – Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 188–191.

Садыйкова З.Р. Оренбург өлкәсендәгә сөйләшләр / З.Р. Садыйкова // Татар халык сөйләшләре: ике китапта. – Беренче китап. – Казан: Мәгариф, 2008. – Б. 254–255.

Сафиуллина Ф.С. Тел дигән дәрәҗә бар. / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 222 б.

Шәмсетдинова Р.Р. Медицина терминнары тарихыннан. Из истории медицинских терминов / Р.Р. Шәмсетдинова//Мәгариф. – 2006. – № 1. – Б. 13–14.

Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре / Ф.Ю. Юсупов. – Казан: Мәгариф, 2003. – 351 б.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Первая глава. Формирование и изучение татарских говоров Оренбургской области	
1.1. История заселения Оренбургской области татарами	6
1.2. История изучения татарских говоров Оренбуржья	12
Вторая глава. Слова, относящиеся к характеристике человека	
2.1. Названия частей тела	17
2.2. Названия, связанные с характеристикой человека	24
Третья глава. Названия живой и неживой природы	
3.1. Слова, обозначающие природные явления	30
3.2. Названия растительного мира	35
3.3. Названия животных и птиц	39
Четвертая глава. Слова, относящиеся к материальной культуре татар	
4.1. Слова, называющие предметы и явления быта	45
4.2. Названия одежды, обуви и головных уборов	51
4.3. Названия пищи и напитков	57
Пятая глава. Слова, относящиеся к духовной культуре татар	
5.1. Названия кровных родственников и родственников по браку	62
5.2. Обрядовые названия	67
Послесловие	74
Список сокращений и условных обозначений	78
Библиография	81

Научное издание

Хусайнова Алина Ямилевна
ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ ОРЕНБУРЖЬЯ

Редактор *Д.Р. Галуллина*
Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*
Дизайн обложки

Подписано в печать 11.01.2021.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20